

ДЖЕК ГОЛДСТОУН

К теории революции четвертого поколения

Введение

В последние годы исследование причин, закономерностей развития и результатов революций расплзлось по темам и дисциплинам подобно амёбе, растягиваясь в различных направлениях в ответ на те или иные стимулы. Прежде четко структурированная подобласть исследований, занимавшаяся в первую очередь немногочисленными «великими революциями» в Европе и в Азии, отныне охватывает и крушение африканских государств (Migdal 1988, Migdal et al 1994, Zartman 1995), и переход к демократии в Восточной Европе и других странах (Banac 1992, Linz & Stepan 1996), и исламские фундаменталистские движения на Ближнем Востоке (Keddie 1995b), и партизанские войны в Латинской Америке (Wickham-Crowley 1992). Более того, вдобавок к выявлению ключевых причин и последствий революций, исследователи пытаются объяснить микропроцессы революционной мобилизации и лидерства, используя всевозможные подходы — от анализа рационального выбора (Opp et al 1995) до социологических и антропологических исследований социальных движений (Selbin 1993, Aminzade et al 2001a). Тем самым изучение революций переросло в многостороннее исследование самых разнообразных событий.

В коротком обзоре невозможно охватить такое обилие литературы и тем более лавину печатных трудов с анализом конкретных революций. Поэтому я поставил своей целью вкратце рассмотреть развитие компаративного и теоретического анализа революций в течение последних десяти лет и изложить основные концепции и открытия, на которых в настоящее время строится наше понимание того, как и почему происходят революции. Однако не исключено, что изучение революций подходит к тупику, где будет просто погребено под всевозможными фактами и концепциями, которые оно пытается охватить. Поэтому в заключение мною выдвигается ряд предложений по поводу того, как изменить этот подход и придать теориям революции более общий характер.

Сущность зверя

Определения революции

Новые события, свершившиеся на сцене всемирной истории, привели к появлению новых определений революции. В 1980-е гг. большинство исследователей революций занимались в первую очередь «великими революциями» в Англии (1640), Франции (1789), России (1917) и Китае (1949). Хотя специалисты признавали, что и другие события – такие как мексиканская и кубинская революции (Womack 1968, Dominguez 1978, Eckstein 1986, Knight 1986) – имеют серьезные основания называться великими революциями, самые влиятельные сравнительные исследования революций от Бринтона (Brinton 1938) до Скочпол (Skocpol 1979) уделяли внимание в основном горстке событий в Европе и Азии. Сформулированное Скочпол (Skocpol 1979:4) определение великих социальных революций – «стремительное, коренное преобразование государственных и классовых структур общества... сопровождаемое и отчасти осуществляющееся посредством восстаний масс, имеющих классовую основу» – получило всеобщее признание в качестве стандартного.

Однако в определении Скочпол игнорируются такие вопросы, как революционная идеология, этническая и религиозная основы революционной мобилизации, конфликты внутри элиты и возможность мультиклассовых коалиций. Скочпол сознательно идет на такое упрощение, так как ни один из этих факторов не рассматривался в числе ключевых моментов революций. В течение 1970-х и 1980-х гг. доминирующим подходом к революциям являлся структурный анализ, основанный на марксистской исторической перспективе, подразумевающей, что воздействие капиталистической конкуренции на классовые и государственные структуры порождает классовые конфликты, которые ведут к преобразованию общества.

Работа Скочпол стала венцом того, что я называю третьим поколением революционного анализа (Goldstone 1980). Суть его состояла в том, что ряд исследователей, включая Мура (Moore 1966), Пейджа (Paige 1975), Эйзенштадта (Eisenstadt 1978) и многих других, раздвинули рамки старого марксистского классового подхода к революциям, обратив внимание на сельские аграрно-классовые конфликты, конфликты государства с автономными элитами и влияние международной военной и экономической конкуренции на внутривосточное развитие. У Скочпол революции объяснялись сочетанием множества конфликтов с участием государства, элит и низших классов, и поэтому ее работа стала серьезным шагом вперед по сравнению с примитивными описательными обобщениями, наподобие бринтоновского (Brinton 1938), или анализами, основанными на отдельных широких факторах, наподобие «модернизации» (Huntington 1968) или «относительного обнищания» (Davies 1962, Gurr 1970).

Однако, начиная с 1970-х и заканчивая 1990-ми гг., мир стал свидетелем ряда событий, поставивших под сомнение классовое понимание револю-

ций. В Иране и Никарагуа в 1979 г. и на Филиппинах в 1986 г. мультиклассовые коалиции одолели диктаторов, которые долгое время пользовались решительной поддержкой ведущей мировой сверхдержавы, Соединенных Штатов (Dix 1984, Liu 1988, Goodwin 1989, Farhi 1990, Parsa 2000). В Восточной Европе и в Советском Союзе в 1989–1991 гг. социалистические и тоталитарные общества, считавшиеся неподверженными классовым конфликтам, рухнули в обстановке народных демонстраций и массовых забастовок (Banac 1992, Dunlop 1993, Oberschall 1994a, Urban et al 1997, Beissinger 1998). Иранская революция и афганская революция 1979 г. гордо провозгласили себя религиозными, не имеющими основополагающего классового характера (Keddie 1981; Arjomand 1988; Moghadam 1989; Ahady 1991; Moaddel 1993; Foran 1993a). Что же касается антиколониальных и антидиктаторских революций во многих странах третьего мира, от Анголы до Заира, то они стали столь многочисленными и затрагивали так много людей, что местечковая практика определения революций на основе нескольких примеров из европейской истории и истории Китая совершенно изжила себя (Boswell 1989, Foran 1997b). Наконец, в то время как все «великие революции» практически сразу вели к популистским диктатурам и гражданским войнам, ряд недавних революций – включая филиппинскую, революционные события в Южной Африке и несколько антикоммунистических революций в Советском Союзе и Восточной Европе, по-видимому, представляют собой новую модель, в которой революционный крах старого режима сочетается с относительно ненасильственным переходом к демократии (Goldfarb 1992, Diamond & Plattner 1993).

В ответ на эти события теории революции эволюционировали в трех направлениях. Во-первых, исследователи пытались применить структурную теорию революции ко все более разнородным событиям, которые своим числом далеко превосходили немногие «великие» социальные революции. Сюда входят исследования партизанских войн и мобилизации масс в Латинской Америке (Eckstein 1989b, Midlarsky & Roberts 1991, Wickham-Crowley 1992, McClintock 1998); исследования антиколониальных и антидиктаторских революций в развивающихся странах (Dix 1984; Dunn 1989; Shugart 1989; Goodwin & Skocpol 1989; Farhi 1990; Kim 1991, 1996; Goldstone et al 1991; Foran 1992, 1997b; Foran & Goodwyn 1993; Johnson 1993; Goldstone 1994a, Snyder 1998); исследования революций и восстаний в Евразии в 1500–1850 гг. (Barkey 1991, 1994; Goldstone 1991; Tilly 1993); изучение антишахской исламской революции в Иране (Skocpol 1982, Parsa 1989, McDaniel 1991); изучение краха коммунизма в Советском Союзе и Восточной Европе (Bunce 1989; Chirot 1991; Goodwin 1994b, 2001; Luper 1996; Goldstone 1998a).

Во-вторых, следует отметить непосредственные нападки на подход «третьего поколения», отчасти вызванные вышеупомянутыми работами, которые усматривали в данных событиях существенную роль идеологий и различных мультиклассовых революционных коалиций. Исследователи призывали уделить больше внимания сознательным усилиям, роли идеологии и культуры в революционной мобилизации и формули-

ровке целей революции и роли случая в развитии и последствиях революции (Sewell 1985; Rule 1988, 1989; Baker 1990; Kimmel 1990; Foran 1993b, 1995, 1997a; Emirbayer & Goodwin 1994, 1996; Goodwin 1994a, 1997; Selbin 1997). Новые важные сравнительные исследования революций обращали внимание на значение этих дополнительных факторов в недавних событиях (Eisenstadt 1992, 1999; Johnson 1993; Selbin 1993; Colburn 1994; Sohrabi 1995; Katz 1997; Foran 1997b; Paige 1997).

В-третьих, при анализе как революций, так и социальных движений стало ясно, что многие из процессов, лежащих в основе революций — например, мобилизация масс, идеологические конфликты, конфронтация с властями — уже хорошо исследованы в ходе анализа общественных движений. Собственно, некоторые из наиболее массовых и радикальных социальных движений, которые приводили к серьезным изменениям в распределении власти, — такие как всемирное движение за права женщин, рабочее движение, движение за гражданские права в США — были революционными в отношении того риска, на который шли их активисты, и в отношении институциональной перестройки, вызванной их усилиями. Так, новая литература о «конфликтной политике» (*contentious politics*) пытается обобщить выводы из исследований о социальных движениях и о революциях с целью лучшего понимания обоих явлений (McAdam et al 1997; Goldstone 1998b; Hanagan et al 1998; Tarrow 1998; Aminzade et al 2001a; McAdam et al, готовится к печати).

Вследствие этой критики простейшая концепция революций, опирающаяся на понятия государства и классов, в том виде, в каком ее выдвигает Скочпол, представляется утратившей свое значение. Нашего внимания в качестве примеров революций требует обширный диапазон событий от фашистских, нацистских и коммунистических преобразований в первой половине XX в. до краха коммунистических режимов в его конце; от идеалистических революций в Америке и во Франции в конце XVIII в. до хаотических революционных войн в Африке в конце XX в. В двух недавних обзорах революций (Tilly 1993, Goldstone 1998c) перечисляются буквально сотни событий «революционного» характера. Тем не менее эти события имеют в своей основе общий набор элементов: а) попытки изменить политический режим, опирающиеся на конкурирующее представление (или представления) о справедливом строе; б) заметную степень неформальной либо формальной мобилизации масс; в) попытки форсировать перемены посредством таких неинституционализированных шагов, как массовые демонстрации, пикеты, забастовки или насильственные действия.

Путем сочетания этих элементов можно сформулировать более широкое и более современное определение революции: это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть.

Это определение достаточно широко, чтобы под него попадали и такие относительно мирные революции, которые привели к свержению коммунистических режимов, и кровавая исламская революция в Афганистане. В то же время оно достаточно жесткое, чтобы исключить перевороты, мятежи, гражданские войны и восстания, не направленные на преобразование институтов или формулировку нового обоснования политической власти. Кроме того, оно исключает из числа революций и мирные переходы к демократии посредством таких институциональных мероприятий, как плебисциты и свободные выборы, что имело место в Испании после Франко.

Разновидности революций

Одни революции отличаются своими героями, другие — своими последствиями. Революции, которые наряду с политическими институтами преобразуют экономические и социальные структуры — например, французская революция 1789 г. — называются великими; те, которые изменяют лишь политические институты, называются политическими революциями. Революции, связанные с независимыми выступлениями низших классов, получили название социальных революций (Skocpol 1979), в то время как широкомасштабные реформы, осуществляемые элитами, которые непосредственно управляют мобилизацией масс, иногда называются элитарными революциями или революциями сверху (Trimberger 1978). Революции, не приводящие к удержанию власти после временных побед или крупномасштабной мобилизации, называются неудавшимися; оппозиционные движения, либо не нацеленные на захват власти (крестьянские или пролетарские протесты), либо охватывающие конкретный регион или какую-то долю населения, обычно получают определение восстаний (если носят насильственный характер) или движений протеста (в случае преимущественно мирного характера). Несмотря на эти различия, все революционные события обладают аналогичной динамикой и чертами (McAdam et al, готовится к печати).

Для революций не всегда характерен один и тот же набор ключевых деятелей, да и развиваются они зачастую по-разному. Мобилизация масс может носить в первую очередь городской характер (как произошло в Иране и Восточной Европе), быть связанной с обширными крестьянскими восстаниями (Wolf 1969), либо включать организованную партизанскую войну. Хантингтон (Huntington 1969) указывал, что в крупных революциях проявляются по меньшей мере две четко различающихся модели мобилизации и развития событий. Если военная и большинство гражданских элит первоначально активно поддерживают правительство, народная мобилизация должна происходить на безопасной, нередко отдаленной базе. В ходе партизанской или гражданской войны, пока революционные вожди постепенно расширяют свой контроль над провинцией, им приходится привлекать на свою сторону народ в ожидании, пока не произойдет ослабление

режима — в результате таких событий, как военные поражения, то или иное ущемление национальной гордости и идентичности, либо же его собственные малоуправляемые репрессии или акты коррупции, лишаящие режим поддержки отечественной элиты и зарубежных сил. В конце концов, если элита или армия изменяют режиму, революционное движение может перекинуться на города и захватить столицу. Революции такого типа, которые можно назвать периферийными, произошли на Кубе, во Вьетнаме, в Никарагуа, Заире, Афганистане и Мозамбике.

Противоположность им представляют революции, которые могут начаться с драматического краха режима в столице (Huntington 1968). Если отечественная элита стремится к реформированию или смене режима, она может пойти на поощрение или поощрение крупных народных демонстраций в столице и других городах, а затем лишит правительства своей поддержки, что приведет к неожиданному краху старого режима. В подобных случаях революционеры быстро берут власть, но затем им нужно распространить революцию на остальную часть страны, нередко посредством массового террора или гражданской войны с новыми региональными или национальными конкурентами либо остатками старого режима. Подобные революции — их можно назвать центральными — имели место во Франции, в России, Иране, на Филиппинах и в Индонезии.

Динамика мобилизации элиты и народа отличается той особенностью, что в ходе некоторых революций два этих типа мобилизации происходили не одновременно. Во время мексиканской и китайской революций старый режим сразу же был уничтожен в результате коллапса центрального типа, но режимы Уэргты и китайских националистов, которые первоначально консолидировали власть, в свою очередь не устояли перед периферийной мобилизацией.

Однако в ходе недавних событий проявилась третья модель революции — общий крах режима, наподобие того, какой произошел в тоталитарных государствах Восточной Европы и в Советском Союзе. В этих странах социалистический режим осуществлял жесткий контроль над сельским и городским обществом через партийный аппарат. Когда сочетание осуществляемых элитой реформаторских попыток, изменений в международной расстановке сил (экономические достижения капиталистических стран, мирные переговоры Советского Союза с США, открытие границ Венгрии, которое привело к повальной эмиграции из ГДР), а также массовых забастовок и демонстраций подорвало решительность коммунистических лидеров, весь национальный государственный аппарат стремительно развалился (Karklins 1994, Hough 1997, Lane & Ross 1999). Хотя в столицах порой происходили крупномасштабные столкновения (например, в Москве и Бухаресте), решающий шаг к победе в некоторых случаях сделали провинциальные рабочие — например, шахтеры в Советском Союзе и Югославии и рабочие гданьских верфей в Польше — жители нестоличных городов, например, восточно-германского Лейпцига, проводившие акции протеста. Благодаря этому революционным вождям,

взявшим власть в столице, не приходилось силой распространять революцию по всей стране; сам размах прежних тоталитарных режимов служил гарантией того, что их крах не будет сопровождаться сколько-нибудь массовым возникновением конкурирующих центров власти, за исключением центрбежных сил, таящихся среди руководства автономных провинций с преобладанием этнических меньшинств (Vunse 1999). Главной проблемой, вставшей перед новыми постсоциалистическими режимами, было не распространение революции, а скорее создание новых национальных институтов, которые могли бы обуздать активность частных, криминальных и бюрократических кругов, стремящихся заполнить вакуум власти (McFaul 1995, Stark & Bruszt 1998).

Еще одна типология основывается на руководящей идеологии революционных движений, проводя различие между «либеральными» или конституциональными революциями, которые преобладали в XVIII и XIX вв. и, похоже, снова нашли выражение в лице революций на Филиппинах и в Восточной Европе; коммунистическими революциями, широко распространенными в XX в.; и исламскими революциями — феноменом последней четверти XX в.

Как видно из этого краткого обзора, для полного понимания революций требуется принимать во внимание эластичность группировок в рамках элиты и в среде народа, процессы революционной мобилизации и лидерства, а также различные цели и результаты революционной деятельности и революционных событий. Если мы хотим создать теорию революции четвертого поколения, она должна учитывать все эти факторы. В последующих разделах рассматривается, что мы знаем (или думаем, что знаем) о причинах, динамике и последствиях революций, и увязываются в единое целое итоги таких зачастую несопоставимых подходов, как сравнительные ситуационные исследования, модели рационального выбора и количественно-статистический анализ.

Причины революций

Система международных отношений

Скочпол (Skocpol 1979) внесла важный вклад в теорию революции, указав на то влияние, которое международная военная и экономическая конкуренция оказывает на внутригосударственную стабильность. Военные затраты и экономические подвижки могут подорвать лояльность элиты и народа к правительству и привести финансы государства в плачевное состояние. Но это лишь первый шаг в понимании того, как международное положение может провоцировать революции и определять их развитие.

Порой имеет место распространение идеологических влияний через границы: революционное движение в одной стране своим примером и содержанием влияет на другие страны (Arjomand 1992, Colburn 1994, Katz 1997, Halliday 1999). Так, в истории можно проследить несколько

революционных волн, включая атлантические революции в США (1776), Голландии (1787) и Франции (1789), движимые антимонархическими настроениями; европейские революции 1848 г., движимые либерализмом; антиколониальные революции 1950–1970-х гг., движимые национализмом; коммунистические революции 1945–1979 гг. в Восточной Европе, Китае, на Кубе, во Вьетнаме и других развивающихся странах; арабские националистические революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке в 1952–1969 гг.; исламские революции в Иране, Судане и Афганистане; и антикоммунистические революции в Советском Союзе и Восточной Европе. В рамках каждой из этих волн влияние других стран стало одним из важнейших факторов, определяющих исход и направление революционного движения (Johnson 1993, Katz 1997, Boswell & Chase-Dunn 2000).

Непосредственное военное и дипломатическое вмешательство других стран также может приводить к революциям, хотя те зачастую проходят совсем не так, как желают их зарубежные инспираторы. Вмешательство Советского Союза не смогло одолеть исламскую революцию в Афганистане, а вмешательство Соединенных Штатов не только не предотвратило, но, вероятно, вследствие поддержки ими предреволюционных режимов способствовало радикализации революций на Кубе, в Никарагуа, Вьетнаме и Иране (Wickham-Crowley 1992, Halliday 1999, Snyder 1999, Pastor 2001). С другой стороны, американское вмешательство помешало довести до конца неудачную революцию Моссадыка 1953 г. в Иране, а советская поддержка способствовала победе марксистских революций по всему земному шару.

Общее правило Халлидея (Halliday 1999) гласит: «не вмешивайся в революцию». Вследствие своей способности мобилизовать крупные массы населения на противостояние (Skospol 1994) революции оказываются чрезвычайно устойчивыми перед лицом внешней интервенции после того как они уже мобилизовали всю нацию. Для того чтобы сорвать революцию путем интервенции, последняя, как правило, должна происходить до мобилизации масс революционным движением. Однако, если революционное движение и режим находятся в состоянии пата, внешняя дипломатическая интервенция может сыграть решающую роль в достижении мирного решения, что произошло в Никарагуа в 1990 г. и в Зимбабве в 1979 г. (Shugart 2001).

В некоторых случаях именно отсутствие вмешательства либо отказ (или угроза отказа) от поддержки правящего режима способствуют росту революционного движения. Голдфранк (Goldfrank 1979) и другие исследователи (Goodwin & Skospol 1989, Wickham-Crowley 1992) называют это состояние разрешающим или благоприятным международным контекстом. Вовлечение США в Первую мировую войну создало условия для распространения мексиканского революционного движения; истощение европейских государств и поражение Японии привело к многочисленным антиколониальным революциям после Второй мировой войны; озабоченность США глобальной ситуацией с правами человека в правление президента Картера создала впечатление, что Америка уже не так

решительно поддерживает иранского шаха и режим Сомосы в Никарагуа; а снижение напряженности в отношениях между США и Советским Союзом при Горбачеве предоставило диссидентам, пролетариату и горожанам возможность испытать коммунистическую власть на прочность.

Проводником международного влияния на судьбы революции также служат международная торговая сеть и деятельность транснациональных организаций и объединений. Исследователи выяснили, что при определенных внутренних условиях в странах, занимающих неблагоприятную торговую позицию в мировой экономике, резко возрастает вероятность восстаний (Boswell & Dixon 1990, Jenkins & Schock 1992). Кроме того, валютные кризисы и политика, проводимая Международным валютным фондом, могут поставить правительство страны в трудное положение и привести к резкому росту цен, что порой провоцирует население на протестные насильственные акции (Walton 1989, Walton & Ragin 1990, Boswell & Dixon 1993, Walton & Seddon 1994). Хельсинкское соглашение по правам человека, несомненно, поощряло диссидентские движения в европейских странах с коммунистическими режимами (Stokes 1993). Однако в то же время при всех прочих равных общий высокий уровень участия в международной торговле и в международных региональных альянсах после Второй мировой войны для любой стороны мира снижает риск государственного коллапса (Goldstone et al 2001). Очевидно, что высокий уровень экономического и дипломатического взаимодействия с внешним миром в той или иной мере сдерживает внутреннюю конкуренцию и конфликты. Напротив, как правило, наиболее свирепая борьба за государственную власть, нередко принимающая характер геноцида, наблюдалась в небольших, сравнительно изолированных странах — таких как Руанда и Камбоджа (Harff 1991, 1995).

Взаимоотношения между государством, элитами и группами населения

Хотя международное окружение может разнообразными способами повышать или снижать риск революции, его конкретное воздействие, так же, как общая вероятность революции, определяются в первую очередь внутренними отношениями между государственной властью, различными элитами и различными группами населения (крестьянами, рабочими и региональными либо этническими или религиозными меньшинствами). В наше время стал общим местом, но достоин повторения вывод о том, что здравые в военном и фискальном отношении государства, пользующиеся поддержкой сплоченной элиты, в целом неуязвимы для революций снизу. Обнищание народа и массовое недовольство ведут лишь к пессимизму, пассивному сопротивлению и депрессии, если только обстоятельства, переживаемые государством и элитой, не внушают мысль о том, что вполне реально добиться перемен (Scott 1985, 1990).

Скочпол (Skocpol 1979) формулирует компактный набор структурных условий, от которых зависит уязвимость государства перед социальной

революцией: автономные элиты способны воспрепятствовать действиям государства, а крестьянские общины способны оказывать независимое сопротивление власти землевладельцев. Однако внимательное изучение работы Скочпол демонстрирует, что эти условия не вполне выполняются даже в приводимых ею примерах (Nichols 1986, Sewell 1996, Goldstone 1997a, Mahoney 1999). Российские элиты в 1917 г. были явно неспособны блокировать действия царя и получили возможность действовать лишь вследствие сокрушительного поражения, нанесенного Германией царской армии во время Первой мировой войны. Китайские крестьяне после подавления Тайпинского восстания в середине XIX в. находились под жестким контролем со стороны помещиков и не играли существенной роли в республиканской и националистической революциях начала XX в. Лишь будучи организовано и мобилизовано Китайской коммунистической партией, крестьянство смогло сыграть революционную роль. Кроме того, Скочпол недооценивает роль рабочих в русской революции 1917 г. (Bonnell 1983); так, в ее модели упускается из вида колоссальное влияние протестного движения рабочих и студентов на развитие таких событий, как иранская, никарагуанская, филиппинская революции, а также Великая культурная революция и восстание на площади Тяньаньмынь в Китае (Farhi 1990, Wasserstrom & Perry 1994, Calhoun 1994b, Perry & Li 1997, Parsa 2000). Хотя эти вопросы свидетельствуют о слабости упрощенного структурализма Скочпол, ее подход, как и безусловная масштабность ее общего анализа, способствовали более глубокому пониманию того, каким образом подвиги во взаимоотношениях государства, элиты и народа ведут к краху государственности и к смене власти.

Во-первых, из многих исследований ясно следует, что политическая стабильность и перемены определяются не только конфликтом государства с элитой и даже не обязательно автономным положением элиты. Скорее, все зависит от того а) обладает ли государство достаточными финансовыми и культурными ресурсами, чтобы решить поставленные перед собой задачи, выполнение которых ожидается от него элитами и группами населения, б) являются ли элиты более-менее едиными или, наоборот, сильно расколотыми или поляризованными, в) связывает ли протест оппозиционную элиту с народными группами.

Задачи, поставленные перед собой правителями, чрезвычайно различаются от государства к государству. Крупные державы могут питать имперские амбиции, в то время как малые страны часто стремятся лишь к тому, чтобы жить в мире. Режимы личной власти нуждаются в гибких ресурсах для поддержания системы обширного патронажа; демократическим государствам приходится контролировать партийное противоборство и при этом сохранять эффективную бюрократическую и судебную власть. От традиционных монархий элита и народные группы ожидали немногого — соблюдать обычаи при сборе налогов и предоставлять членам элиты и их семьям возможность сохранять свое положение. Однако перед государством в современных развивающихся странах ставится задача обес-

печивать экономический рост и выступать посредником в борьбе этнических и региональных групп за ресурсы. Кроме того, почти все государства обязаны хранить национальную гордость и традиции; современные государства вынуждены реализовывать националистические амбиции доминирующих этнических групп по созданию такой власти, которая бы воплощала и защищала их своеобразие (Goodwin & Skocpol 1989, Tilly 1993).

Кроме того, государства обладают различными ресурсами, чтобы, опираясь на них, воплощать эти цели и ожидания. Внутренние поступления в форме налогов и разработки естественных ресурсов могут дополняться иностранной помощью и прямыми зарубежными инвестициями. Государство может брать займы и продавать либо закладывать ресурсы в расчете на будущее увеличение налогов или иные поступления. Некоторые государства также получают доходы от национализированных предприятий — хотя последние часто не в состоянии принести предполагаемую прибыль.

Неприятности начинаются тогда, когда доходов не хватает для покрытия государственных расходов — либо из-за расширения задач государства, либо из-за снижения поступлений. Вариантов возникновения этой проблемы столько, что их краткое перечисление нереально. К напряжению государственных ресурсов могут привести сверхамбициозные военные авантюры и экономические начинания; то же происходит из-за неспособности привести доходы в соответствие с темпом инфляции или ростом населения страны. Переоценка будущих доходов часто ведет к непомерным долгам; свою роль может сыграть коррупция, мешающая полезному расходованию фондов и опустошающая государственную казну. Фискальная мощь государства может быть постепенно подорвана небольшим, но растущим дефицитом; военные поражения либо противоборство с элитой по фискальным вопросам грозят утратой фискального контроля и либо неудержимой инфляцией, либо внезапным банкротством государства. В некоторых случаях на экономический рост и государственные доходы негативное влияние может оказать изменение цен в важнейших отраслях экономики. Таким образом, симптомы фискального нездоровья варьируются от медленного истощения государственного кредита до раздувания госдолга, стремительной ценовой инфляции, военной несостоятельности, непредвиденного дефицита и банкротств.

Тем не менее государства редко осуществляют столь полный контроль над общественными ресурсами, что не могут справиться с угрозой, если элиты объединят свои усилия и резервы с целью реорганизации государства. Угроза революции возникает тогда, когда в условиях фискальной слабости элиты не желают поддерживать режим либо одолеваемы разногласиями по поводу того, делать ли это, а если да, то как.

Подобное нежелание может быть связано с финансовыми проблемами самих элит. Элиты, пытающиеся сохранить свое богатство или считающие себя ограбленными несправедливым и самовластным правителем, не склонны поддерживать слабый и нуждающийся режим. Кроме того, элита может быть обижена своим отстранением от власти или поку-

шениями на ее привилегии и положение. Но столь же часто лояльность элиты (и населения) утрачивается государством из-за разбазаривания культурных ресурсов или пренебрежения ими.

Правителям приходится действовать в культурных рамках, включающих религиозные верования, националистические чаяния и представления о справедливости и статусе. Те власти, которые нарушают эти рамки, подвергают себя опасности. Правители, торгующие местами или назначающие фаворитов на высокопоставленные должности, тем самым завоевывают их лояльность, но одновременно пробуждают негодование в обойденных. Правители, стремящиеся уничтожить традиционные религиозные и культурные обычаи, должны позаботиться о сильной военной и бюрократической поддержке, чтобы справиться с неизбежными протестами со стороны народа и элиты (Oberschall & Kim 1996). Правители, теряющие лицо в военных или дипломатических конфликтах, или выказывающие чрезмерную зависимость от прихотей иностранных держав, могут утратить веру и поддержку своих народов. Борьба пуритан и католиков в Англии XVII в., янсенистские конфликты в предреволюционной Франции, оглушительные военные поражения царской России и конфликты по поводу вестернизации в Иране — все это примеры того, как власти покушались на культурные или националистические представления, расплачиваясь за это утратой поддержки со стороны элиты и народа (Skocpol 1979, Hunt 1983, Arjomand 1988, Van Kley 1996). В России, где культурные нормы допускали существование авторитарных режимов, но взамен требовали отеческой заботы государства о народе, вопиющее невнимание к простым людям, проявившееся во время Кровавого воскресенья, лишило царя народной поддержки. Те же самые культурные нормы способствовали существованию Советского Союза до тех пор, пока негибкая реакция Коммунистической партии на ядерную катастрофу в Чернобыле и на другие проблемы здравоохранения и благосостояния не привела к аналогичному отчуждению населения.

Одновременную необходимость справляться с задачами государства и учитывать культурную ситуацию можно выразить в двух словах: эффективность и справедливость. Те государства и правители, которые получили репутацию неэффективных, все же могут заручиться поддержкой элиты в деле реформирования и реорганизации, если они считаются справедливыми. Правителей, считающихся несправедливыми, могут терпеть до тех пор, пока им эффективно удастся преследовать экономические или националистические цели, или же они кажутся слишком эффективными, чтобы кто-либо осмелился бросить им вызов. Однако государства, считающиеся и неэффективными, и несправедливыми, лишатся поддержки элиты и народа, которая им нужна для выживания.

Три социальных изменения или условия, не являясь ни необходимыми, ни достаточными для революции, тем не менее столь часто подрывают и эффективность, и справедливость государства, что заслуживают особого рассмотрения. Во-первых, это поражение в войне — или хотя бы

перенапряжение, возникающее, когда государство ставит перед собой военные задачи, превышающие его финансовые и организационные возможности. Военное поражение может привести к финансовому и бюрократическому беспорядку вследствие потери людей и ресурсов, либо растраченных, либо захваченных врагом, или вследствие репараций. Поражение также может нанести ущерб национальной гордости, а повышение налогов и ресурсов, отнимаемых у населения ради ведения войны, может превзойти все представления о разумности и справедливости. Особенно пагубной оказывается потеря жизней и ресурсов проигравшей стороной. Буэно де Мескита и др. (Bueno de Mesquita et al, 1992) не усматривают существенных связей между войной и последующей революцией, но считают, что такая связь гораздо ярче выражена в тех странах, которые развязали войны и проиграли их. Именно это сочетание приводит к сильнейшей одновременной потере государства как своей эффективности, так и культурного положения.

Во-вторых, непрерывный рост населения, превышающий экономический рост, нередко изменяет отношения между государством, элитами и группами населения, тем самым подрывая стабильность общества. Если повышение спроса приводит к инфляции, реальные доходы государства падают до тех пор, пока не поднимутся налоги; но эта мера может считаться крайне неразумной в условиях, когда во владении крестьян остается все меньше земли, а рабочим становится труднее найти работу и заработная плата снижается вследствие усиления конкуренции за рабочие места и ресурсы. Городское население может расти непропорционально быстро — быстрее, чем городская администрация в состоянии обеспечить жилищные, медицинские и полицейские услуги — если сельскохозяйственный сектор не в состоянии поглотить прирост населения. Более того, если цена на землю или иные дефицитные ресурсы повышается, те элиты или претенденты на роль элиты, которые контролируют эти ресурсы, выиграют непропорционально много в сравнении с другими элитами, что подорвет нормальный процесс рекрутирования элиты и социальной мобильности. Если государство стремится собирать все больше налогов одновременно с тем, как жилищные условия населения ухудшаются, и если существующая иерархия элит и механизмы их мобильности расстроены, в то время как государство требует себе все больше ресурсов или все больше власти, то представления об эффективности и справедливости государства могут быть серьезно подорваны. Хотя некоторые государства могут найти способ — посредством экономического роста либо уступок элитам — справиться с быстрым ростом населения, неудивительно, что революции и восстания получают исключительное распространение в те эпохи, когда население растет чрезвычайно быстро — что происходило, например, в конце XVI и начале XVII вв., в конце XVIII и начале XIX вв., и в некоторых частях развивающегося мира в XX в. (Goldstone 1991, 1997b).

В-третьих, колониальные режимы и диктатуры сильной личности особенно подвержены таким двойным ошибкам, которые ведут к революции.

Колониальные режимы по своей природе противостоят националистическим чаяниям и стремлению местных элит к власти. Сохраняя эффективность, они порой способны к кооптации местных элит; однако, если между колониальным режимом и местными элитами, пользующимися потенциальной народной поддержкой, изменится баланс силы, колониальные режимы погрязнут в революционном противоборстве. Аналогичным образом диктатуры сильной личности, допускающие к дележу плодов власти лишь ничтожную долю элиты, в глазах элиты выглядят куда менее «справедливыми», нежели авторитарные режимы с более широкой опорой, такие как военные хунты или режимы с четкой этнической, региональной или классовой основой. Режимы сильной личности могут обеспечивать себе опору либо обещаниями исключительных националистических достижений, либо безжалостно и эффективно управляя внутренними делами. Однако экономические неудачи, утрата иностранной поддержки или неспособность оправдать националистические чаяния вследствие коррупции либо чрезмерного подчинения иностранным державам могут нанести смертельный удар по их эффективности и привести к созданию мультиклассовой коалиции, направленной против узкой базы такого режима (Goodwin & Skocpol 1989, Wickham-Crowley 1992, Goldstone 1994a, Goodwin 1994b, Foran 1997b, Snyder 1998).

Леви (Levi 1997), используя модели рационального выбора для анализа политического поведения, демонстрирует, каким образом нарушение государством норм честности ведет к «отказу от послушания», подрывающему власть. Более чем 60 годами ранее историк Крейн Бринтон (Brinton 1938) обратил внимание на ситуации, когда элиты отказывали в своей поддержке режиму непосредственно перед началом революции, объявляя его аморальным и неэффективным, и назвал такое поведение «дезертирством интеллектуалов». Но какие бы ярлыки ни навешивать, любой набор обстоятельств, который ведет к потере государством в глазах общества эффективности и справедливости, приводит к предательству элит и утрате народной поддержки, что представляет собой ключевой элемент в причинной цепи событий, ведущих к революции.

Теория элиты и сравнительный исторический анализ породили многочисленные ситуационные исследования, в которых крушение государства объясняется расколом элиты и ее отказом от сотрудничества с режимом (Kileff & Robinson 1986, Arjomand 1988, Higley & Burton 1989, Wickham-Crowley 1989, Bunce 1989, Paige 1989, Goldstone 1991, Goldstone et al 1991, Bearman 1993, Haggard & Kaufman 1995, DeFronzo 1996, Hough 1997, Lachmann 1997, Dogan & Higley 1998, Snyder 1998, Parsa 2000). Напротив, во многих случаях стабильность государства обеспечивалась путем насилия, ставшего возможным благодаря заключению союза с элитой (O'Donnell et al 1986, Burton & Higley 1987, Higley & Gunther 1992, Shugart 2001).

Однако одного лишь раскола в элите недостаточно, чтобы породить нестабильность. Сильно фрагментированные и раздробленные элиты зачастую неспособны противодействовать сильному авторитарному

лидеру. Существенное условие политического кризиса — не только раскол в элите, но и ее поляризованность, т. е. наличие двух или трех сплоченных группировок, резко различающихся по своим представлениям о структуре нового социального порядка (Green 1984, Eisenstadt 1999).

Конечно, даже если элиты расколоты и находятся в острой оппозиции к государству, результатом может стать простой переворот (Jenkins & Krosowa 1990) или реформы. Для возникновения революционной ситуации необходима еще и мобилизация масс. Она может быть традиционной, неформальной, проводящейся под руководством элиты или же представлять собой то или иное сочетание этих вариантов.

Традиционная мобилизация происходит в контексте местных общин, с которыми индивидуумы связаны узами давней преданности — такими общинами являются, например, крестьянские деревни либо городские ремесленные гильдии (Magagna 1991). Крестьянская мобилизация, которую зачастую провоцируют какие-либо вести о политических изменениях, например, планы государственных реформ, выборы или известия, а то и просто слухи о войне или местных сражениях (как показал Маркофф (Markoff 1996) на примере французской революции 1789 года), обычно носит оборонительный и даже реакционный характер, а ее цель — привлечь внимание к экономическим неурядицам или к чрезмерному налогообложению. Непосредственные нападения на землевладельцев происходят реже и обычно вызываются известиями об опасности, грозящей государственной власти, или об ее крахе. Мобилизация такого типа может происходить и в городах посредством традиционных рабочих гильдий или религиозных общин, также зачастую имея оборонительные и консервативные цели (Calhoun 1983).

Неформальная мобилизация происходит в тех случаях, когда индивидуумы принимают решение участвовать в протестных действиях не через общинные организации, с которыми их связывают давние формальные отношения, а через рыхлые структуры, основанные на личной дружбе, общем месте работы или соседстве. Такие неформальные организации обычно возникают в ответ на кризис, после чего соседи или друзья мобилизуют себя на неконвенциональные действия. Гулд (Gould 1995) продемонстрировал роль соседских связей в мобилизации народа во время Французской коммуны 1870 г.; Опп и др. (Opp et al 1995) и Пфафф (Pfaff 1996) выяснили, что неформальные организации стояли за спиной «стихийных» лейпцигских демонстраций, которые привели к краху восточногерманского коммунистического режима; Дено (Denoeux 1993) подробно анализирует роль, сыгранную неформальными связями в городском протестном движении Средних веков. Тесные связи и дружба между студентами способствовали мобилизации молодежи во время Тяньаньмыньского восстания в Китае (Zhao 2001) и во время революций 1979 г. в Иране и 1986 г. на Филиппинах (Parsa 2000).

Традиционные и неформальные организации не являются революционными по своей природе и обычно ведут лишь к неудачным сель-

ским восстаниям и городским протестным акциям. Они играют серьезную роль в создании революционной ситуации только в том случае, когда налаживают связь с элитой, противостоящей режиму. В некоторых случаях — таких как крестьянские восстания во время французской и русской революций и ирландские мятежи 1640 г. — их роль сводится к тому, что напуганные ими власти предпринимают радикальные шаги, вынуждая элиту покончить с колебаниями и перейти к решительным действиям. В других случаях диссидентствующие элиты оказывались во главе народных восстаний, объединяя разнородные местные движения и наделяя их общей целью и единством. Именно так большевики возглавили пролетарские выступления в 1917 г., а радикальный духовный вождь Аятолла Хомейни — протестные акции иранцев на базарах и в медресе.

Третий способ, каким элиты могут войти в контакт с мобилизацией народа — создание организаций, через которые осуществляется эта мобилизация, и управление ими. Хотя было бы чрезмерной натяжкой утверждать, что коммунистическая партия полностью контролировала крестьянские восстания в Китае в 1940-х гг., тем не менее китайская компартия играла ключевую роль в перераспределении земель, борьбе с влиянием помещиков и организации вооруженной борьбы с националистическим режимом (Friedman et al 1991, Selden 1995). В Латинской Америке 1970-х гг., в первую очередь в Никарагуа, священники, возглавлявшие христианские общины, осуществляли мобилизацию оппозиции против существующих экономических и политических режимов (Levine & Manwaring 1989, Van Vugt 1991). В то же время радикальные студенты и политики, вдохновляясь примером Фиделя Кастро на Кубе, пытались мобилизовать латиноамериканское крестьянство посредством коммунистических партизанских движений (Wickham-Crowley 1992). В 1980-е гг. церковные руководители в Польше, на Филиппинах и в ГДР сыграли решающую роль в налаживании формальных и неформальных связей между рабочими и интеллигенцией, оппозиционными режиму (Osa 1997, Parsa 2000, Stokes 1993).

Конечно, элиты могут сыграть и антимобилизующую роль. Трауготт (Traugott 1985) показал, что революционные парижские рабочие, сражавшиеся на баррикадах в 1848 г., и посланные на борьбу с ними национальные гвардейцы, также набранные из парижских рабочих, почти не различались ни уровнем дохода, ни профессиями. Различие состояло почти исключительно в их мобилизационном опыте: мобилизация восставших шла через соседские связи и место работы, в то время как бойцов Национальной гвардии мобилизовала парижская буржуазия для защиты своей собственной, вовсе не пролетарской революции от короля. Вообще мобилизация, как правило, носит конкурентный характер — различные революционные и контрреволюционные организации одновременно стремятся сплотить своих сторонников, нередко в самых хаотических обстоятельствах. Хотя задним числом иногда удается настолько четко выделить какую-либо из мобилизующих групп и ее сторонников, что направление и размах мобилизации кажутся неизбежными, в действительности такое

происходит редко. Более распространенный вариант — когда победоносная революционная мобилизация является плодом борьбы за сторонников, в которую вовлечены многочисленные союзники и конкуренты (Meyer & Staggenborg 1996, Glenn 1999).

Учитывая столь обширный диапазон способов народной организации, непросто предсказать форму или направление массовой мобилизации, исходя из одних только структурных факторов. Несмотря на наличие многочисленной литературы об участии крестьян в революциях (Wolf 1969, Migdal 1974, Paige 1975, Scott 1976, Popkin 1979, Wickham-Crowley 1991, Skocpol 1994), и непрекращающуюся дискуссию о значении неравенства как генератора революционных волнений (Muller 1985, Midlarsky 1986, Muller & Seligson 1987, Weede 1987, Lichbach 1989, Midlarsky 1999), единого мнения по этому вопросу по-прежнему не существует. Как указывает Замош (Zamosc 1989), крестьяне, судя по всему, не отличаются ни врожденным консерватизмом, ни революционностью; скорее можно сказать, что их чаяния принимают различную форму в зависимости от ответа государства и элиты и тех союзов, которые вступают с ними в противоборство. Опыт позволяет сделать единственный несомненный вывод: революции оказываются успешными лишь тогда, когда налицо какая-либо связь или союз между народной мобилизацией и выступлениями элиты против режима (Liu 1984, Dix 1983, Goodwin & Skocpol 1989, Eckstein 1989a, Aya 1990, Farhi 1990, Goldstone et al 1991, Wickham-Crowley 1992, Foran 1997b, Paige 1997).

Революционный процесс: связи, идеология, лидерство, гендерные вопросы Связи, организации и идентичности

Многосторонняя, конкурентная и случайная природа революционной мобилизации заставляет исследователей уделять намного больше внимания процессу развития революции. Из структурных условий может складываться сцена, на которой разворачивается конфликт, но форма и исход борьбы нередко определяются лишь в ходе самого революционного конфликта. Каким образом элиты могут быть связаны с народными протестными движениями? Как индивидуумы объединяются ради коллективных действий, нередко рискуя навлечь на себя репрессии и даже смерть? Как из всевозможных групп с различными интересами возникают широкие коалиции? И каким образом на сцену выходят конкретные вожди и группировки, руководящие революцией и направляющие ее течение? На эти вопросы можно ответить, лишь обратив внимание на организационные, идеологические и стратегические элементы революционных действий.

Один из важнейших выводов в этой области состоит в том, что действующие лица революции никогда ничего не делают в одиночку — ни в реальности, ни даже мысленно. Их рекрутирование осуществляется посредством заранее существующих связей на основе места жительства, занятия, принадлежности к общине и дружбы. К действию их побуждают организации, начиная от маленьких и неформальных групп активизи-

стов, таких как группа «Хартия-77», сыгравшая свою роль в чехословацкой революции, и заканчивая высоко дисциплинированными, централизованными и бюрократизированными революционными партиями наподобие китайской компартии или КПСС. Они отождествляют себя с более широкими задачами и группами и приносят жертвы во их имя (Cohen 1985; Calhoun 1994 a, c; Somers & Gibson 1994).

В этом отношении они больше похожи на участников обыденных движений социального протеста. Исследователи общественных движений в демократических обществах выяснили, что индивидуумы рекрутируются в эти движения благодаря своему членству в группах и дружбе с людьми, уже вовлеченными в движение (Snow et al 1980, McPherson et al 1992, McAdam 1995). Идет ли речь о студенческом или феминистском движении либо о движении за гражданские права, общим показателем успешного активизма является вклад участников в идентичность протестующей группы и выбор своих действий путем учета тех плюсов и минусов, которые они принесут движению в целом (Morris 1984, Hirsch 1990, Taylor & Whittier 1992).

Однако идентичности здесь не являются прирожденными — особенно протестные идентичности (Abrams & Hogg 1990). Чтобы создать и сохранять идентичности, связанные с революционной деятельностью, элитам и государствам приходится придумывать и закреплять новые обозначения для людей, которые обычно считают себя всего лишь рабочими или крестьянами, друзьями или соседями. Вывод определенных идентичностей на передний план, то есть, в сущности, создание протестной идентичности — под которой подразумевается ощущение принадлежности к группе, негодование которой разделяешь и оправдываешь, плюс уверенность в способности устранить причину этого негодования посредством коллективных действий — представляет собой весьма непростую задачу (Snow et al 1986, Snow & Benford 1988).

В течение многих лет теоретики ресурсной мобилизации указывали, что мобилизация людей на коллективные действия связана с построением таких организаций, как союзы, революционные партии и низовые ячейки, наподобие Национальной организации женщин или Южной христианской конференции лидерства (McCarthy & Zald 1977, Tilly 1978). Считалось, что такие «организации социальных движений» представляют собой ядро долгосрочных коллективных акций. Однако недавние исследования процессов рекрутирования и опыт самих участников движений свидетельствуют, что формальная организация — ни необходимое, ни достаточное условие для появления чувства преданности общему делу и энергии, необходимой для рискованных коллективных действий (McAdam 1988, Calhoun 1994b, Gould 1995, Pfaff 1996). Напротив, важнейшим условием представляется формирование протестных идентичностей. Хотя формальные организации нередко помогают избрать тактику протеста и не дают угаснуть движению в трудные времена, неформальные организации — что проявилось в ходе революций 1989–1991 гг. в Восточной

Европе — также могут объединять людей на крупномасштабные, рискованные и эффективные выступления против государственной власти.

По-видимому, протестная идентичность — чувство привязанности и преданности к протестной группе — имеет в своей основе три источника. Во-первых, принадлежность к группе в значительной степени оправдывает и легитимизирует недовольство и гнев отдельных лиц, вызванные существующим порядком. Во-вторых, группа — если она обеспечивает конкретные выгоды либо предпринимает результативные действия, защищая своих членов и добываясь перемен — наполняет своих участников чувством силы, независимости и эффективности, тем самым завоевывая их коллективную приверженность (Knoke 1988, Lawler 1992). В-третьих, само государство может создать или укрепить чувство оппозиционной идентичности, назвав какую-либо группу своим врагом либо предприняв действия против этой группы, тем самым продемонстрировав, что та не может рассчитывать на защиту и справедливость государства. В результате она остается в глазах своих членов единственным источником справедливости и защиты. Иными словами, протестная группа вербует сторонников, провозглашая себя носителем тех качеств, которые ожидаются от государства, а именно справедливости и эффективности.

В сущности, именно из-за того, что протестная группа выполняет эти функции так, как не удастся государству, или по видимости лучше, чем государство, индивидуумы готовы обменять свою верность государству на верность протестной или революционной группе (Finkel et al 1989). В некоторых случаях революционное движение буквально становится государством в районах, находящихся под его контролем — такую роль взяли на себя коммунистическая партия в сельском Китае в 1940-х гг. и многие партизанские движения в Латинской Америке, выполняя функции поддержания правопорядка, правосудия и даже сбора налогов (Wickham-Crowley 1991, Selden 1995, McClintock 1998). В иных случаях революционное движение завоевывает приверженцев, легитимизируя недовольство и чаяния своих членов через ритуалы солидарности и предпринимая против государства действия, которые могут иметь в основном символический характер (Melucci 1989).

Однако в любом случае создание и сохранение протестных идентичностей представляет собой серьезную задачу, опирающуюся на культурные рамки, идеологию и талантливое лидерство.

Идеология и культурные рамки

Представление о неэффективности и несправедливости государства, в то время как оппозиционное революционное движение обладает массой достоинств и умеет добиваться своих целей, лишь в редких случаях является прямым следствием структурных условий (Gamson 1988, Gamson & Meyer 1996). Нужно, чтобы материальные лишения и угрозы рассматривались не просто как тяжелые жизненные условия, а как непо-

средственный результат несправедливости, нравственных и политических недостатков государства, в резком контрасте к добродетельности и справедливости оппозиции (Martin et al 1990). Даже военное поражение, голод или финансовый коллапс могут восприниматься как природные или неизбежные катастрофы, нежели как итог работы некомпетентного или нравственно обанкротившегося режима. Аналогичным образом акты государственных репрессий против протестантов могут считаться либо необходимыми мерами умиротворения, либо, напротив, неоправданной жестокостью; похищения, поджоги и взрывы порой воспринимаются как достойные порицания и трусливые террористические акты, а порой — как патриотические подвиги ради освобождения угнетенных. Какая интерпретация преобладает, зависит от способности государства и революционных лидеров манипулировать представлениями общества, увязывая свои поступки и текущую ситуацию с существующими культурными рамками и тщательно сконструированными идеологиями (DeNardo 1985, Chong 1991, Berejikian 1992).

Исследователи революций пользуются термином «культурные рамки» для обозначения фоновых предположений, ценностей, мифов, сюжетов и символов, издавна и широко распространенных среди населения. Естественно, культурные рамки элиты и разных групп населения могут не совпадать друг с другом, так же как и культурные рамки различных региональных, этнических и профессиональных групп. Таким образом, вместо однородного набора представлений мы имеем набор более-менее перекрывающихся друг друга рамок. Напротив, под идеологиями понимаются сознательно сконструированные, пусть эклектичные, но более связанные представления, аргументы и ценностные суждения, которые поощряются теми, кто проповедует конкретный курс действий. В начале XX в. германские культурные рамки включали в себя христианство, германский патриотизм и веру в добродетельность франкских племен и первопроходцев, покоривших леса Центральной Европы; напротив, нацизм являлся идеологией (Skocpol 1994).

Как показывает этот пример, наиболее эффективны те идеологии, которые коренятся в преобладающих культурных рамках, заимствуя старые сюжеты и образы и переформулируя их так, чтобы они звучали в унисон с проблемами современности (Nash 1989, Shin 1996). Китайские коммунисты первоначально увязывали свои претензии на власть в Китае с восстановлением патриархального порядка традиционной китайской семьи, разрушенного экономическим хаосом и военными поражениями, которые Китай испытал при националистическом режиме (Stacey 1983). Точно так же и вьетнамские коммунисты не могли добиться успеха до тех пор, пока не учли в своих лозунгах этнический вьетнамский контент и культурную тематику (Popkin 1988).

Фоган (Fogan 1997b) указывает, что невозможно осуществить революцию, не опираясь на «культуру восстания», которую создают отложившиеся в народной памяти прежние конфликты. Например, сандини-

стское движение 1970-х гг. в Никарагуа позаимствовало свое название и репутацию у крестьянского вожака Сандино, который в начале века боролся против американского господства в этой стране. Аналогичным образом сапатистское восстание 1990-х гг. в мексиканском Чьяпасе было названо в честь Сапаты — крестьянского вождя мексиканской революции 1910 г. — и отождествляло с ним свои идеалы. Однако из этих примеров не следует, что лишь те страны, которые активно помнят восстания в своем недавнем прошлом, обладают культурной основой для новых восстаний. Организаторы революций с большим успехом отыскивают культурные основания для бунта в далеком прошлом, даже в воображаемом прошлом или будущем. С целью обеспечить народную поддержку мексиканской революции были позаимствованы и переформулированы милленаристские верования, восходящие к легендам американских индейцев; некоторые революционные образы китайских коммунистов также основывались на милленаристских верованиях китайских буддистских сект (Rinehart 1997). Во время английской революции 1640 г. царевидцы опирались на миф о нормандском иге (хотя сами происходили из древних нормандских родов), согласно которому английские короли, линия которых восходила к завоеванию Англии в 1066 г. Вильгельмом Нормандским, считалась иностранными угнетателями, поработившими свободных англосаксов. Восставая против испанцев в XVI и XVII вв., голландцы объявляли себя потомками древних племен гелльветов, которые боролись против власти Римской империи; любопытно, что французские революционеры любили отождествлять себя с римлянами — основателями Республики и с их борьбой против царей Тарквиниев.

Основой для революционной либо антиреволюционной идеологии могут стать любые культурные рамки. Христианство и ислам долгое время служили бастионом консервативных официальных церковных организаций; но в последние годы исламские фундаменталисты и низовые христианские общины приобрели репутацию не меньших радикалов, чем английские пуритане XVII в. Коммунизм представлял собой то революционную идеологию, то опору для консервативной и привилегированной элиты, которая в конце концов была свергнута либералами-интеллектуалами и националистически настроенными рабочими. Похоже, что вероятность возникновения революционной идеологии в данных культурных рамках зависит исключительно от того, как элементы этих рамок приспособляются к конкретным обстоятельствам или сочетаются с новыми элементами и берутся на вооружение конкретными группами.

Идеологии, помимо того, что обеспечивают революционерам ценностные суждения и добродетельную репутацию, могут усиливать революционный импульс двумя другими способами. Во-первых, революционная идеология обычно объявляет борьбу обреченной на успех; привлечь на свою сторону историю или Бога — значит обеспечить триумф своих последователей (Martin et al 1990). Во-вторых, революционные идеологии имеют своей целью навести мосты между различными культурными

ми рамками всевозможных групп и обеспечить основу для мультигрупповых и межклассовых коалиций, что крайне важно для того, чтобы бросить вызов государственной власти (Chong 1993). Эти функции взаимно усиливают друг друга. После того как революционная группа притянула к себе широкий круг последователей, она начинает казаться обреченной на успех; в то же время чем более вероятным представляется успех движения, тем больше сторонников оно привлечет.

Конструирование идеологии, которая должна: а) вдохновлять широкие круги сторонников, переключаясь с существующими культурными вежами, б) обеспечивать ощущение неизбежности и обреченности ее сторонников на успех, в) убеждать людей, что существующая власть слаба и несправедлива — задача непростая. Не менее сложными предприятиями оказываются планирование стратегической и тактической кампании, проводимой оппозицией, а также умелая эксплуатация спонтанных восстаний и случайных событий. Таким образом, течение и исход революции в значительной степени зависят от мастерства и поступков вождей государства и революционных лидеров.

Лидерство

Популярные рассказы о революциях полны историй о таких великих личностях, как Кромвель, Вашингтон, Робеспьер, Наполеон, Ленин, Сталин, Мао, Кастро, Гевара, Кабрал, Мандела, Акино. Порой возникает впечатление, что зарождение и триумф революций неотделимы от воли и судьбы этих революционных вождей. Однако из сравнения биографий революционных лидеров выясняется, что хотя многие из них обладали исключительной харизмой, другие ее не имели, и вообще в целом биография и личные характеристики революционных вождей и обычных политических лидеров не слишком существенно отличаются друг от друга (Rejai & Phillips 1988). Более того, в структурных теориях революции эти вожди едва упоминаются, а если и удостоиваются внимания, то в основном как безвольные марионетки истории, чьи лучшие намерения неизменно терпят крах при столкновении с глубинными социальными, политическими или экономическими силами.

Такое несоответствие можно понять, если исследовать навыки самих революционных вождей. Успеха добиваются те из них, которые умеют использовать благоприятные политические и экономические обстоятельства. Лидеры-неудачники обычно действуют в тот момент, когда обстоятельства совершенно не благоприятствуют успеху. В результате возникает впечатление, будто лидеры преуспевают лишь тогда, когда складываются благоприятные условия, иначе же их постигает неудача. Из-за этого успех революции кажется зависящим исключительно от внешних условий, а роль лидера, превращающего в революцию не более чем потенциально благоприятные обстоятельства, отходит на задний план. Значение лидерства особенно четко проявляется в таких крайних примерах, как

революция в Гренаде, где дурное руководство привело, по-видимому, удачную революцию к самоубийственному финалу (Selbin 1993), или китайская коммунистическая революция, в ходе которой выдающиеся вожди сумели сохранить революционное движение после сокрушительного поражения и подготовить условия, обеспечившие победу (Selden 1995).

Неспособность революционных вождей добиться провозглашенных целей — свободы, равенства, процветания — также воспринимается как доказательство незначительной роли лидерства. Однако все не так просто; после революции в среде ее сторонников нередко возникают разногласия и конфликты, революционные режимы проходят проверку на прочность и формируются в ходе военных столкновений, а получив абсолютную власть, многие вожди оказываются ослеплены ею и предаются мегаломанским фантазиям. Поэтому не удивительно, что революции далеко не всегда осуществляют свои предреволюционные цели. Однако из этого не следует, что лидерство не имеет никакого значения — просто его влияние проявляется сложным образом. Лидеры разного типа нужны не только для того, чтобы вдохнуть жизнь в революционное движение, способное сокрушить старый режим, но и для того, чтобы победить в междоусобной борьбе, начинающейся вслед за крахом старого режима, и выдержать военные удары, нередко обрушивающиеся на новый режим. А если революционные вожди переживут все это и ударятся в мегаломанские эксцессы, последующие страдания лишь подтверждают влияние революционных лидеров на судьбу простых людей и народов (Friedman et al 1991, Chirot 1994).

При исследовании лидерства выяснилось, что существуют два четко различающихся типа лидеров, сочетание которых — либо в лице одной личности, либо посредством сотрудничества двух или более лидеров — обычно необходимо для успеха предприятия. Что интересно, в этих двух типах лидеров, «народно-ориентированных» и «прагматично-ориентированных» (Aminzade et al 2001b, Selbin 1993), отражаются две стороны успешного управления и мобилизации, а именно справедливость и эффективность. Народно-ориентированные вожди вдохновляют людей, наделяют их чувством идентичности и силы и дают им видение нового и справедливого порядка, ради достижения которого их последователи объединяют свою энергию и усилия. Прагматично-ориентированные лидеры умеют создавать стратегию, соответствующую наличным ресурсам и обстоятельствам, разрабатывать планы по достижению конкретных целей, эффективно распоряжаться финансами и отвечать на изменение обстоятельств соответствующей стратегией и тактикой. Чистый народно-ориентированный лидер находит свое воплощение в религиозном пророке; примером чистого прагматично-ориентированного лидера может служить блестящий полководец. Движения, во главе которых стоит лишь сильное народно-ориентированное руководство, могут выродиться в кружок малочисленных, но преданных последователей культа (Hall et al 2000); движениям с сильным прагматично-ориентированным лидерством, не обладающим ясным видением будущего, нередко не удает-

ся укрепиться в народном сознании, и их революционный характер быстро улетучивается (Selbin 1993).

Судя по всему, обычно необходимо наличие двух или более людей и групп, играющих роли визионеров и организаторов революции, хотя распределение ролей не всегда бывает очевидно. Пуританские проповедники и Оливер Кромвель совместными усилиями принесли вдохновение и успех пуританской революции в Англии; Джефферсон и Адамс стали застрельщиками американской революции, но она бы потерпела поражение без руководства Вашингтона и без Конституционной конвенции, обеспечившей распределение власти в новом государстве; якобинцы сошли бы со сцены гораздо быстрее, если бы не военные победы Наполеона; при Ленине был Троцкий, возглавивший пролетарское восстание и создавший Красную армию; при Фиделе Кастро нашлись его брат Рауль и Че Гевара, ставшие движущей и организующей силой кубинской революции; братья Отега поделили между собой идеологическую и военную роли, возглавив революцию в Никарагуа; Аятолла Хомейни поручил либеральному профессионалу Бани-Садру осуществить институционализацию иранской революции и отразить нападение иракской армии.

Во многих случаях визионеры и практики в ходе революции вступают в противоборство, и кто-то из них одерживает верх. В Китае Мао и группа его старых соратников, «Банда четырех», явственно склонялись к визионерству, невзирая на ущерб, причиненный практической стороне дела; в России вскоре после смерти Сталина верх одержали скучные и практические партийные строители во главе с Брежневым. Интересно, что в обоих случаях результатом стал откат революции — в Китае установился ультрапрагматичный режим Дэна, в Советском Союзе Горбачев попытался вдохновить страну либеральными идеями. В Иране экстремистски настроенные клерикальные круги первоначально одолели либеральных прагматиков, так же как никарагуанские сандинисты, склонявшиеся к коммунизму, оказались сильнее своих более либеральных союзников. В случае Ирана позиции визионеров-экстремистов по сути усилились в результате давления США, и нынешнее контрнаступление умеренных кругов развивается вяло; напротив, в Никарагуа американское давление ослабило визионеров, дав возможность прийти к власти прагматической коалиции во главе с Виолеттой Чаморро. Таким образом, невозможно гарантировать сохранение «правильного» баланса между народно-ориентированными и прагматично-ориентированными лидерами, и соответственно течение революции может пойти в любую сторону.

Помимо визионерского и прагматического лидерства, Робнетт (Robnett 1997) выделяет еще и лидерство «посреднического» типа («bridge» leadership), сочетающее как идеологию, так и организационную задачу мобилизации на низовом уровне. В роли таких вождей выступают местные и общинные организаторы, становящиеся посредниками между верховным руководством и народными массами, превращая мечты и великие планы в приземленную реальность.

Интересно, что Робнетт, делая свои выводы на основе американского движения за гражданские права, находит сильный гендерный компонент в лидерстве этого типа. Она выяснила, что главными идеологическими и стратегическими лидерами движения были в основном чернокожие мужчины, но в роли лидеров-«посредников» по большей части выступали женщины. Таким образом, движение за гражданские права, как продемонстрировали другие исследователи (McAdam 1988), несмотря на свой радикализм касательно межрасовых отношений, отразило в своем руководящем составе превалирующий патриархальный гендерный уклон того расистского общества, с которым оно вело борьбу.

Гендерные отношения и революционные движения

Многочисленные исследования документально подтверждают колоссальную роль, сыгранную женщинами в революциях, начиная с английской и французской революций (Davies 1998, Hufton 1992) и кончая недавними революциями в странах третьего мира (Tétreault 1994, Wasserstrom 1994, Diamond 1998). Женщины активно участвуют в уличных демонстрациях, партизанских войнах, обеспечении продовольствием и припасами и в «посредническом» лидерстве. Однако, несмотря на массовое участие, связь между ролью женщин в революции и гендерным характером движения либо появлением женщин в качестве независимых лидеров нередко оказывается менее заметной, чем можно было бы ожидать.

Могадам (Moghadam 1997) и Тейлор (Taylor 1999) указывают, что в организации и целях протестных и революционных движений всегда, явно или неявно, присутствует гендерный момент. Поскольку почти все общества в истории носили патриархальный характер, протестные движения и революции обычно были направлены против патриархальных режимов и институтов. Поэтому им приходится делать выбор. Выступая против существующих политических институтов, станут ли они тем не менее и в своем движении воспроизводить патриархальный характер общества? Или же им следует лишиться этого характера и свое движение, и свои представления о новом обществе?

Здесь нередко наблюдается существенное расхождение между риторикой и практикой. Российская и кубинская революции сознательно пытались построить гендерно-равноправное общество, и им удалось в массовом порядке привлечь женщин на рабочие места и в новые профессии (Goldman 1993, Smith & Padula 1996). Однако немногие женщины попали на важнейшие руководящие должности, а ценности соответствующих обществ так и остались в основе своей мужскими. Английская, французская и американская революция вдохновили многих женщин на занятие важнейших ролей в низовом слое и даже включили женские идеи в свою революционную иконографию (Hunt 1992). Тем не менее они никак не пытались изменить традиционную роль женщин в обществе. В иранской революции участвовало много вестернизированных, образованных

женщин, сознательно одевших традиционное исламское женское платье как символ оппозиции западному культурному империализму и солидарности с лозунгами революции. Но неприятным сюрпризом для этих женщин стало то, что им не позволили принять участие в дальнейшем формировании характера революции, а тот самый антизападный исламский способ саморепрезентации, избранный ими для того, чтобы поддержать революцию, впоследствии стал одним из аспектов усилившегося угнетения (Moghadam 1994, Fantasia & Hirsch 1995).

Даже феминистские движения не могут прийти к согласию по поводу своих лозунгов. Ранние феминистки опасались того, что антисексуальные или прогомосексуальные лозунги негативно отразятся на их борьбе за политическую эмансипацию и право голоса в рамках мейнстримного общества; современные феминистки стремятся в рамках своей борьбы с патриархатом отказаться от всех традиционных гендерных отношений и приветствуют активистов за права геев и лесбиянок как партнеров по общему делу (Taylor & Whittier 1992, Rupp 1997).

Ключевая проблема гендерных отношений в революционном движении — сможет ли в патриархальном обществе женщина приобрести достаточный авторитет и силу, чтобы стать независимым лидером визионерского или прагматического типа? Большинство женщин, ставших революционными лидерами — Акино на Филиппинах, Чаморро в Никарагуа, Аун Сан Су Чжи в Бирме — унаследовали мантию лидера от своих погибших мужей или отцов. Этот же механизм проявляется в отношении таких женщин — демократических вождей в азиатских странах, как Индира Ганди в Индии, Беназир Бхутто в Пакистане и Сиримаво Бандаранаике в Шри-Ланке. К настоящему моменту, несмотря на широкое участие женщин в революционных движениях и их важнейший вклад в качестве лидеров-«посредников», им еще не приходилось играть независимую руководящую роль (за исключением движения за политическое равноправие женщин, если рассматривать его как революционное). Да и сами революции, даже те, которые принесли женщинам полноправное участие в голосовании и широкие возможности по получению работы, не привели к быстрым трансформациям домашнего и лидерского статуса женщин в соответствующих обществах.

Парадокс революционного процесса:

Репрессии — тормоз революций или их ускоритель?

Мнение о том, что революция определяется в основном или исключительно структурными условиями, подкрепляется тем фактом, что порой революции происходят как будто невзирая на все усилия государства умиротворить или подавить восставших. Как ни странно, свирепые репрессии зачастую не способны заткнуть рот революционной оппозиции, а только раздувают пожар (Lichbach 1987, Weede 1987, Olivier 1991, Khawaja 1993, Kurzman 1996, Rasler 1996, Moore 1998). Много раз случалось

так, что проводившиеся государством реформы лишь поощряли революционеров к новым требованиям. Но в других случаях, примером которых служат недавние демократические движения в Бирме и Китае, внешне крайне благоприятные условия и значительная мобилизация масс были сокрушены репрессиями со стороны государства (Walder 1989, Carey 1997, Brook 1998). А в Пруссии в 1848 г., в Англии в 1830 г. и в Южной Африке в 1994 г. реформы в сочетании с репрессиями эффективно потушили революционное движение и положили ему конец. Когда же репрессиям и реформам удастся остановить течение революции, и когда они не достигают успеха и даже приводят к обратному результату, провоцируя или подпитывая революционный пыл?

В то время как представления о несправедливости и неэффективности государства могут привести людей в стан оппозиции, развитие революционных конфликтов носит вероятностный и изменчивый характер. Действия и противодействия режима, его оппонентов, антиреволюционных движений и широкой общественности — все это оказывает влияние на процессы групповой идентификации, на представления об эффективности и справедливости режима и его противников, и на оценки вероятности перемен (Gartner & Regan 1996, Kurzman 1996, Rasler 1996, Zhao 2001). Реформаторские движения могут радикализироваться и стать революционными, первоначально вялая конфронтация порой взрывается массовыми восстаниями, а массовые народные движения нередко терпят поражения.

Хорошо известно, что многие революции и восстания, начиная с английской и французской революций и кончая мятежом Мау-Мау в Кении и «Ла-Виоленсией» в Колумбии, выросли из попыток не свергнуть, а лишь реформировать правящий режим (Walton 1984, Speck 1990). Сочетание неожиданного давления низов, конфликтов между консервативной и радикальной фракциями реформаторского движения, реакции на иностранную интервенцию и нерешительных либо провокационных действий режима может спровоцировать радикализацию руководства движения и революционизирование его политики (Furet 1981). В сущности, структурные условия, порождающие движения социального протеста, неудачные восстания и революции в целом очень похожи друг на друга. Трансформация социального движения в восстание или революцию зависит от того, каким образом режим, элита и общественность реагируют на конфликтную ситуацию (Goldstone 1998b).

Столкнувшись с требованиями реформ, правящий режим может воспользоваться любым сочетанием уступок и репрессий для того, чтобы разоружить оппозицию (Davenport 1995). Выбор нужного сочетания — задача нелегкая. Если режим, уже утративший видимую эффективность и справедливость, обещает уступки, этого может быть «слишком мало и слишком поздно», и в таком случае массовые требования крупномасштабных перемен лишь усилятся. Именно поэтому Макиавелли советовал правителям предпринимать реформы лишь с позиции силы; если реформа будет проводиться с позиции слабости, то она приведет лишь

к дальнейшей утрате режимом поддержки. Попытки ускорить прозападные реформы, предпринятые вдовствующей императрицей в последние годы императорского Китая и Горбачевым на закате Советского Союза, привели лишь к эскалации критики в адрес старого режима и в конце концов к полному отказу от него и к свержению (Teitzel & Weber 1994).

Эффективность репрессий зависит также от их степени и от контекста. Мощные репрессии либо репрессии, направленные на небольшую группу «уклонистов», могут рассматриваться как свидетельство государственной эффективности и запугать оппозицию. Однако те репрессии, которые недостаточно сильны, чтобы подавить оппозицию, или настолько бесцельные и хаотические, что обрушиваются на головы невинных, или же направленные на те группы, которые в глазах общественности считаются репрезентативными, а их протесты выглядят обоснованными, могут очень быстро подорвать представления об эффективности и справедливости режима (White 1989, Goldstone & Tilly 2001). Так, гибель Педро Чаморро в Никарагуа и Бениньо Акино на Филиппинах, массовые преследования простых граждан кубинским диктатором Батистой и убийства иранских демонстрантов шахскими войсками в 1978 г. привели лишь к еще более масштабным протестам. Напротив, безжалостное подавление митингов протеста на площади Тяньаньмынь, участники которых были публично заклеены как контрреволюционные предатели, по меньшей мере на десятилетие покончило с публичным сопротивлением коммунистическому правлению в Китае (Zhao 2001).

Результат репрессий зависит также от представлений об уязвимости правителей. Когда считается, что режим теряет поддержку и может быть свергнут, протестующие готовы пойти на большой риск, и жестокость со стороны режима станет в глазах публики лишь очередным подтверждением того, что он должен уйти; но когда режим считается непоколебимым, неразборчивое насилие и террор обычно просто затыкают оппозиции рот (Mason & Krane 1989, Opp & Roehl 1990, Opp 1994, Brockett 1995).

Однако правителям практически не на что ориентироваться в попытках заранее определить, окажется ли данный уровень уступок или репрессий достаточным. Недостаточная осведомленность и чрезмерная самоуверенность могут служить дополнительными факторами, приводящими к неадекватной реакции. Что еще хуже, правители нередко колеблются между уступками и репрессиями, проявляя непоследовательность, а следовательно, как неэффективность, так и несправедливость (Goldstone & Tilly 2001). Например, и Маркос на Филиппинах, и Милошевич в Сербии полагали, что могут обеспечить себе победу на выборах, и поэтому пошли на явную уступку, объявив выборы в целях оправдания своего авторитарного правления. Когда же, несмотря на их усилия, у общественности сложилось представление, что выборы они проиграли, им пришлось вернуться к репрессиям, чтобы сохранить власть. Но вследствие очевидного поражения на выборах решимость армии и полиции защищать режим ослабла и репрессии против массовых протестов не удались, что привело к краху режима.

Иностранная интервенция также может заставить отказаться от репрессий в пользу уступок и наоборот. Активная политика Джимми Картера по защите прав человека вынудила Сомосу в Никарагуа и иранского шаха ослабить репрессии, дав возможность их противникам оказать более активное публичное сопротивление. В последующей круговерти репрессий, уступок и протестов эти режимы оказались недостаточно репрессивными, чтобы расправиться с противниками, но достаточно репрессивными, чтобы усилить представление об их несправедливости, заставившее элиту и общественность перейти на сторону оппозиции, тем самым укрепляя революцию. Напротив, в 1956 г. в Венгрии и в 1968 г. в Чехословакии местные режимы достаточно долго колебались, в результате чего реформаторы набрались смелости потребовать радикальных изменений социалистического строя; однако крупномасштабные внешние репрессии со стороны Советского Союза привели к подавлению народных восстаний.

В целом сильный режим, которому противостоит слабая оппозиция, спокойно возьмет над ней верх либо путем уступок, либо путем репрессий; однако режим, обнаруживший свою серьезную военную или финансовую слабость, столкнувшись с широкой оппозицией со стороны элиты и народа, способен выжить лишь с огромным трудом. В этих случаях исход в целом предопределен структурными условиями. Однако во многих случаях сила либо слабость режима и уровень его общественной поддержки либо оппозиции или имеют промежуточное значение, или просто неясны в начале конфликта (Kuran 1989, 1995b). В таких случаях структурные условия не позволяют наверняка предугадать развитие событий, которое определяется только взаимодействием режима и его противников. По видимости сильный режим, проводящий слабые или непоследовательные репрессии или идущий на чрезмерные уступки, может быстро подорвать свои позиции (Kurzman 1996). Более того, режим, неожиданно проводящий реформы, может лишиться своих более умеренных противников повода к сопротивлению, вследствие чего рекрутирование общественной поддержки перейдет в руки более радикальных элементов (Walton 1984, McDaniel 1991, Seidman 1994).

Поскольку авторитарные режимы нередко не в состоянии понять своих подданных или чрезмерно уверены в своем могуществе, они то и дело совершают ошибки, и зачастую по видимости надежный режим, просуществовавший уже многие годы, неожиданно сталкивается со стремительно ширящимся сопротивлением, которого никто не мог предвидеть несколькими годами ранее — что произошло в Иране в 1979, на Филиппинах в 1986 и с коммунистическими режимами в Восточной Европе и в Советском Союзе в 1989–1991 гг. Напротив, режимы, представляющиеся структурно слабыми, такие как режим личной власти Мобуту в Заире, могут держаться много лет, если умело пользуются уступками и репрессиями, которые не сплачивают и разжигают сопротивление, а разъединяют его и нейтрализуют.

Микроуровневые факторы и количественный анализ

В исследовании революций (и мирных демократических переходов) в последние два десятилетия преобладал метод ситуационных исследований (case-study), причем в качестве ситуаций служили пути развития конкретных наций. Поэтому акцент делался на такие системные макроуровневые факторы, как взаимоотношения между государством, элитами, группами населения и иностранными державами; идеологии и культурные рамки наций и крупных групп; а также такие тенденции на национальном уровне, как социальная мобильность, государственный долг или рост населения. Этот подход, сводящийся к анализу небольшого числа ситуаций на системном уровне, стал поводом для многочисленных дискуссий (Liebersohn 1991, Collier 1993, King et al 1994, Goldthorpe 1997, Goldstone 1997a, Katznelson 1997, Ragin 1997, Rueschemeyer & Stephens 1997, Mahoney 2000). Хотя большинство исследователей по-прежнему считают, что метод ситуационных исследований имеет свои достоинства, значительное внимание отныне уделяется и двум другим подходам: микроуровневому анализу мотиваций индивидуумов, вовлеченных в революционную деятельность (включая социально-психологический подход и моделирование рационального выбора), и количественному анализу факторов, связанных со случайностью революций (как булевский анализ, так и статистика больших чисел).

Микроуровневые факторы: рациональность революции

При разговоре о роли связей и лидерства мы уже ссылались на выводы социально-психологического анализа. Исследователи указывали на то, что индивидуумы, участвующие в восстаниях и рискованных акциях протеста, обычно находят мотивацию, рекрутируются и получают санкцию через уже существующие общины, к которым они принадлежат, но пробуждение специфически оппозиционной групповой идентичности зависит от действий революционных активистов и государства (Klandermans 1984, Klandermans & Oegema 1987). Преданность оппозиционной идентичности зависит от веры в эффективность протеста, которая подкрепляется мелкими победами и приобретениями революционной группы; помимо того, несправедливые поступки государства или свидетельства его слабости могут подтолкнуть граждан к тому, чтобы отказаться от идентификации с государством, взамен нее обратившись к общинам, неформальным связям и оппозиционным движениям как к альтернативным полюсам политической лояльности.

Модели рационального выбора дают дальнейшее подтверждение этим выводам. Ранее теоретики рационального выбора утверждали, что ситуационным исследованиям революций на макроуровне не хватает микрооснований (Friedman & Hechter 1988, Kiser & Hechter 1991). Они даже считали, что поскольку индивидуумы, участвуя в протестном поведении, идут

на значительный риск и затраты, но в случае успеха протеста пользуются всеми его выгодами вне зависимости от своего участия в нем, то революционная деятельность отдельных лиц является иррациональной (Olson 1965, Tullock 1971). Однако последующие исследования показали, что на практике эта проблема коллективных действий применительно к индивидуумам имеет множество решений и что рациональность революционной деятельности, несомненно, имеет серьезные микроуровневые основания.

Лихбах (Lichbach 1995, 1996) показал, что существуют четыре основных группы решений этой проблемы коллективных действий, причем каждая из них предлагает собственный способ мотивировать индивидуумов на участие в протесте. Эти способы сводятся к изменению стимулов, эксплуатации обязательств перед коммуной, заключению контрактов и использованию авторитета. На практике они применяются в различных сочетаниях и обеспечивают большое многообразие рецептов по организации коллективных действий. Таким образом, теория рационального выбора по отношению к революциям отныне не вступает в противоречие с фактом коллективных действий; наоборот, анализ рационального выбора вместе с другими подходами используется для выявления процессов, посредством которых коллективные действия решают свои задачи, и общих характеристик таких решений.

В основе всех этих решений лежат санкционирование и групповая идентификация. Хотя само по себе это может считаться несколько загадочным (Hechter 1987), тем не менее эмпирические исследования в антропологии, обзорные исследования и психологические эксперименты демонстрируют широко распространенную среди людей тенденцию к соблюдению норм честности и групповой ориентации (Oliver 1984, Klosko 1987, Knoke 1988, Finkel et al 1989, Fiske 1990, Hirsch 1990, Piliavin & Charng 1990). Люди, особенно склонные идентифицировать себя с группой, обычно чувствуют обязательство поступать так же, как вся группа, будучи уверены при этом, что другие члены группы поддержат их. В таком случае главный вопрос протестной деятельности состоит не в проблеме коллективных действий, а в том, верят ли люди в эффективность группы в случае осуществления тех или иных шагов (Opp 1989, Masy 1990, Masy 1991, Oberschall 1994b). После того как мы поймем, что не индивидуум, а группа представляет собой основополагающую единицу, принимающую решения по поводу протестных действий, модели рационального выбора помогут нам предсказать механизмы революционной мобилизации, согласующиеся с многочисленными примерами из самых разных эпох и всевозможных культурных окружений (Taylor 1988a, Chong 1991, Tong 1991, Goldstone 1994b, Hardin 1995, Moore 1995, White 1995).

После того как выяснилось, что групповая идентификация позволяет преодолеть проблему участия индивидуума в коллективных действиях, анализ рационального выбора сосредоточился на выявлении тех типов групповой структуры, которые благоприятствуют протестным действиям, и наиболее вероятных механизмов мобилизации. Такие исследова-

ния показали, что ни простая однородная группа с сильными связями (типа традиционной крестьянской деревни), ни крайне разнородная группа (например, пестрое городское население) не идеальны для мобилизации. Напротив, мобилизация легче всего протекает в группах с наличием тесно сплоченного авангарда активистов, служащих инициаторами действий, и нежестких, но централизованных связей с более широким кругом сторонников (Heckathorn 1990, Heckathorn 1993, Marwell & Oliver 1993, Kim & Bearman 1997, Chwe 1999, Yamaguchi 2000). Это помогает объяснить, почему более зажиточные крестьяне, которым есть что терять, нередко играют ключевую роль в крестьянских восстаниях (Wolf 1969), и почему городские бунты обычно начинаются в небольших соседских, профессиональных или религиозных общинах (Gould 1995).

Модели рационального выбора также демонстрируют, почему революционная мобилизация зачастую подвержена стремительной и неожиданной эскалации. Если ключ к протестной мобилизации состоит в необходимости убедить группу, что ее действия против режима окажутся эффективными, то решающее значение приобретают два момента: относительная слабость или решительность режима и число других групп, поддерживающих эти действия. Изменение представлений или новая информация могут способствовать тому, что группы, уже давно вынашивавшие озабоченность по поводу несправедливости или эффективности режима, проникнутся уверенностью, что теперь их действия в состоянии обеспечить перемены. Таким образом отдельные события или кризисы, служащие источниками новой информации, могут привести к внезапной мобилизации, основанной на ранее скрывавшихся предпочтениях и представлениях, создавая эффект «прицепа»: все новые и новые группы принимают участие в действиях, момент для которых кажется все более благоприятным (Kuran 1989, Carley 1991, Chong 1991, Macy 1991, Karklins & Peterson 1993, Koopmans 1993, Lohmann 1993, Lichbach 1995). Такие модели служат рамкой для понимания механизма взрывной мобилизации, характерной для таких событий, как неожиданный крах коммунистической власти в Советском Союзе и Восточной Европе (Kuran 1991).

Таким образом, исследования модели рационального выбора применительно к революциям, проводившиеся в последние десять лет, выявили те же моменты — лидерство, групповую идентичность, связи — которые вышли на первый план в недавних сравнительно-исторических исследованиях. Анализ рационального выбора, более не выдвигая парадоксов, движется к созданию надежной микроуровневой основы для понимания причин и динамики революционных действий.

Количественный анализ

Хотя многие ситуационные исследования использовали количественный метод для анализа конкретных взаимоотношений, все же в поле их зрения попало лишь небольшое число ситуаций. С целью преодолеть этот

недочет исследователи в поисках общих закономерностей революционной деятельности обратились к анализу данных в глобальном масштабе.

Ранняя волна количественного анализа революций, пришедшаяся на 1960-е гг., основывалась в основном на линейной регрессии с использованием глобальных данных по странам и годам, и в первую очередь касалась проблем модернизации и теории депривации (Feierabend et al 1969, Gurr 1968). Оценки таких моделей выявили их несогласованность (Gurr 1980), и в 1970-е и 1980-е гг. они уступили место структурному и ситуационно-компаративному анализу (Skocpol 1979). Однако в последние годы наблюдается новая волна количественного анализа, старающаяся сочетать достоинства статистического анализа больших чисел с вниманием к ситуационным исследованиям, которые сейчас связываются главным образом с характером государства.

Серьезным новшеством стало использование булевского анализа (Ragin 1987), при котором переменные для каждого из большого числа отдельных ситуаций получают двоичные значения «есть» и «нет». Тем самым учитывается специфика каждой из ситуаций и допускаются разнообразные конфигурации независимых переменных. После этого с помощью тех или иных алгоритмов вычисляется минимальный набор или наборы переменных, которые характеризуют конкретные результаты событий.

Форан (Fogant 1997b) и Уикхэм-Краули (Wickham-Crowley 1992) удачно использовали булевский анализ при исследовании нескольких десятков революций в странах третьего мира. Они выяснили, что полномасштабные социальные революции происходят редко и связаны с наиболее четким набором переменных. Другие революции — неудавшиеся революции, политические революции, крестьянские восстания — связываются с иными, более разнообразными сочетаниями. Однако этот анализ не привел к появлению четкой теории о причинах революции, поскольку оба исследователя пользовались различными наборами переменных и изучали различные случаи. Булевский метод очень чувствителен к конкретным событиям и к используемым переменным. Согласно анализу Форана, каждой успешной социальной революции сопутствует «культура восстания»; в исследовании Уикхэма-Краули эта переменная не учитывалась, но и без нее оказалось несложно отделить удачные социальные революции от других событий. По сути, булевский анализ продемонстрировал, что не существует общего набора факторов, наличие или отсутствие которых обязательно ведет к революции либо делает ее невозможной. Скорее можно сказать, что многочисленные факторы, по-разному сочетаясь, приводят к различным типам и последствиям революционного конфликта.

Более традиционный регрессивный анализ также отошел от простого использования переменных типа «страна-год» в качестве отправных данных со всеми сопутствующими проблемами многообразных и сложных автокорреляций. Анализ повстанческих движений и гражданских войн, проведенный Коллиером и др. (Collier et al 2000), отталкиваясь от объе-

диненных по регионам данных, имел своей целью выяснить, почему гражданские конфликты в Африке происходят чаще, чем в других частях света; в анализе Фирона и Лайтина (Fearon & Laitin 2000) использовались данные, объединенные по десятилетиям, в качестве основы для анализа последующих событий. Олзак (Olzak 1992) пользуется событийно-историческим анализом, исследуя развитие этнического конфликта в нескольких четко обозначенных случаях. Интересно, что исследования Коллиера, Фирона и Лайтина, и Олзака предпринимались для проверки одной и той же гипотезы — о наличии связи между жестокими этническими конфликтами (которые нередко служат причиной революции либо сопровождают ее) и этническим составом населения. Во всех этих исследованиях количественный анализ конкурирующих гипотез привел к опровержению мнения о том, что этнический состав сам по себе служит основной причиной насилия; напротив, к политической борьбе ведут такие факторы, как экономическая конкуренция и застой в экономике.

Однако еще одна попытка сочетать ситуационный и количественный анализ была предпринята Рабочей группой по вопросам несостоятельности государств (Esty et al 1998, Goldstone et al 2001) — совместным проектом научных кругов и правительственных учреждений США по созданию крупномасштабной базы данных по важнейшим внутренним политическим конфликтам. Сперва рабочая группа выявила более 100 отдельных случаев гражданских войн, восстаний и революций, произошедших в мире с 1955 по 1995 г. Далее для каждого года, в котором начиналась «проблемная» ситуация, рабочая группа случайным образом выбирала три другие страны из числа всех тех стран мира, в которых ни пятью годами ранее, ни пятью годами позже не наблюдалось подобных внутренних конфликтов («стабильные» ситуации). Таким образом, каждой проблемной ситуации противопоставлялись три избранные случайным образом контрольные ситуации. После этого данные для проблемных стран обобщались и сопоставлялись с данными по контрольным странам в попытке найти факторы, связанные с крупными политическими конфликтами. Этот метод позволил проанализировать обобщенные данные для более чем 400 ситуаций; тем не менее каждый конфликт рассматривался как единое целое, служа основой для сравнений.

Рабочая группа повторила этот анализ для глобальных и региональных наборов данных и пришла к весьма правдоподобным выводам. Выяснилось, что теснее всего связаны с политическими переворотами три переменные — тип режима, международная торговля и детская смертность. Тип режима оказался связан с политической нестабильностью неожиданной U-образной зависимостью: демократии и автократии обладали значительной стабильностью, но частичные демократии подвергались чрезвычайно высокому риску. Страны с большей долей валового национального продукта (ВВП), вовлеченного в международную торговлю, и с меньшей детской смертностью в целом были более стабильны. На первый взгляд, эти факторы резко расходятся с теми, которые фигурируют у Фирона

(Foran 1997c), Гудвина (Goodwin 2001) и в других недавних ситуационных исследованиях революций. Однако их можно согласовать друг с другом. Частичные демократии существуют как раз в тех государствах, в которых элита и правители вступили в процесс конфликтов, реформ и уступок; те государства, которые таким образом обнаружили свою слабость, оказываются в крайне нестабильном состоянии. Более существенное вовлечение ВВП в международную торговлю требует приверженности законопорядку и терпимого уровня коррупции; кроме того, оно может сдерживать конкуренцию элит. Напротив, в странах с непропорционально слабым участием в международной торговле относительно размера их экономик с большей вероятностью возникнут элитные фракции, перекашивающие торговлю или экономическую активность в свою пользу, что обостряет внутриэлитные конфликты. Детская смертность известна как превосходная обобщающая мера жизненных стандартов; вследствие этого она связана с массовыми представлениями о том, насколько эффективно режим заботится о благоденствии народа, и насколько эффективны националистические программы экономического развития. То обстоятельство, что относительно высокое значение всех этих трех переменных сигнализирует о большой вероятности революции, подтверждает правомочность согласованного подхода при ситуационных исследованиях.

Эти новые количественные подходы еще находятся в процессе разработки. Тем не менее поражает то, что в отношении причин политических переворотов все они указывают в том же самом общем направлении, что и ситуационный анализ революций. Согласно всем важнейшим исследованиям, вне зависимости от их метода, именно те факторы, которые влияют на мощь государства, конкуренцию между элитами и жизненный уровень населения, определяют стабильность или нестабильность правящего режима. Можно надеяться, что новое поколение количественных исследований не ослабит, а подкрепит и обогатит ситуационно-компаративные исследования.

Последствия революций

Последствия революций вызывают у исследователей гораздо меньший интерес, чем причины, возможно, за исключением последствий, связанных с гендерными вопросами. Возможно, это происходит из-за того, что последствия революций в случае победы революционеров считаются очевидными. Однако наличествующие исследования опровергают это предположение; последствия революций зачастую принимают совершенно неожиданный оборот.

Стинчкомб (Stinchcombe 1999) вполне разумно указывает, что революция заканчивается тогда, когда стабильность и выживание институтов, учрежденных новым режимом, более не вызывает сомнений. Но даже такое определение двусмысленно, поскольку оно может существовать в слабом и в сильном вариантах. Согласно слабому варианту, революция

завершается, когда важнейшим институтам нового режима уже не грозит активный вызов со стороны революционных или контрреволюционных сил. Из этого подхода следует, что французская революция завершилась в термидоре 1799 г., когда Наполеон захватил власть, русская революция 1917 года завершилась в 1921 г. победой большевиков над белыми армиями, а мексиканская революция 1910 года завершилась в 1920 г., когда президентом стал Обрегон. Однако сильное определение, согласно которому революция заканчивается лишь тогда, когда ключевые политические и экономические институты отвердели в формах, которые в целом остаются неизменными в течение значительного периода, допустим, 20 лет, — приводит к совершенно иным результатам. Согласно этому определению, как указал Фурет (Furet 1981), французская революция завершилась лишь с провозглашением французской Третьей республики в 1871 г. Русская революция 1917 г. должна считаться незавершенной вплоть до сталинских чисток 1930-х гг., а конец мексиканской революции 1910 года следует отнести к 1940 г. — к реформам Карденаса. Если на то пошло, то китайская революция, начавшись в 1910 году, все еще продолжается, так как ни республиканская, ни националистическая, ни коммунистическая, ни Великая пролетарская культурная революции не привели к установлению долговечного социально-экономического строя.

Как ни досадно, но среди исследователей по этому поводу нет единства, и в различных анализах для датировки конца революции используются слабые, сильные и даже идиосинкразические подходы. И все же, хотя окончание революции с трудом поддается однозначному определению, тем не менее мы имеем возможность поговорить о последствиях, которые чаще всего наблюдаются после падения старого режима.

Внутренние последствия

Революционеры нередко заявляют, что они устранят неравенство, установят демократию и обеспечат экономическое процветание. В реальности же достижения революций в отношении всех этих обещаний остаются весьма скромными (Weede & Muller 1997).

Хотя для многих революций характерно некоторое изначальное перераспределение активов (в первую очередь земли), ни один революционный режим не смог обеспечить чего-то большего, нежели символическое равенство. Вознаграждения администраторам и главным организаторам экономики быстро приводили к дифференциации доходов (Kelley & Klein 1977). Это верно и для капиталистических, и для коммунистических революционных режимов. Кроме того, многие режимы, начинавшие с радикальных и популистских экономических планов, со временем переходили к «буржуазной» и капиталистической организации экономики, что произошло в Мексике, Египте, а совсем недавно и в Китае (Katz 1999).

До самого недавнего времени попытки революций насадить демократию неизбежно заканчивались провалом. Необходимость консолидации

нового режима перед лицом борьбы с внутренними и внешними врагами, наоборот, приводила к установлению авторитарных режимов, нередко в обличье популистской диктатуры, подобно режимам Наполеона, Кастро и Мао, или к созданию однопартийных государств, таких как Мексика под властью Революционной институциональной партии или возглавляемые компартиями СССР и государства Восточной Европы. Вообще, борьба, необходимая для захвата и удержания власти во время революций, обычно вносит свой вклад в военизированный и насильственный характер новых революционных режимов (Gurr 1988). Поэтому поразительно, что в ходе нескольких недавних революций — на Филиппинах в 1986 г., в Южной Африке в 1990 г., в восточноевропейских государствах в 1989–1991 гг. — неожиданный крах старого режима сразу же привел к установлению новых демократий, нередко вопреки массовым ожиданиям возврата диктатуры (Fagan & Goodwin 1993, Weitman 1992, Pastor 2001). Судя по всему, в данных случаях установлению демократии способствовало несколько факторов: отсутствие внешней военной угрозы, сильная личная преданность революционных вождей демократии и существенная внешняя поддержка иностранными державами новых демократических режимов.

Еще больше вопросов вызывают экономические последствия. Можно было бы ожидать, что революция высвободит колоссальную энергию для перестройки экономической системы, точно так же, как она приводит к перестройке политических институтов. Но в действительности этого почти никогда не случается. В большинстве случаев долговременное экономическое развитие революционных режимов отстает от развития сопоставимых стран, не знавших революций (Eckstein 1982, 1986). Возможно, отчасти это происходит из-за того, что расколы и конфликты в элите, предшествующие революции и нередко следующие за ней, губительны для экономического прогресса (Haggard & Kaufman 1995).

Судя по всему, те самые усилия, которые уходят на перестройку политических институтов, душат экономический рост (Zimmermann 1990). Революционные режимы обычно оказываются более централизованными и более бюрократизированными, чем те, которые им предшествовали (Skocpol 1979). Помимо того, с целью укрепления своей власти, революционные вожди нередко жестко ограничивают предпринимательскую активность; пятилетние планы и переход крупнейших предприятий под контроль или во владение государства загоняет экономическую активность в узкие каналы.

Революционные режимы зачастую способны сконцентрировать ресурсы и добиться бурного роста в отдельных отраслях экономики. Советский Союз и Китай вполне преуспели в создании комплексов тяжелой индустрии в стиле XIX века. Но ни один из них: ни Иран, ни Никарагуа, ни любой другой революционный режим — не сумели обеспечить массовых экономических инноваций и активного предпринимательства, необходимых для стремительного и непрерывного экономического роста (Chivot 1991).

Однако вполне возможно, что новые демократические революции окажутся исключением. По-видимому, они создают более благоприятные условия для экономического развития и гораздо менее бюрократизированы, чем те режимы, которые были ими ликвидированы. Польша, Чехия и бывшая ГДР уже продемонстрировали серьезные экономические достижения. Тем не менее большинство революционных государств либо продолжают сдерживать экономическую активность (Белоруссия и постсоветские республики Средней Азии), либо слишком слабы и дезорганизованы, чтобы обеспечить и закрепить широкие успехи в экономике (например, Россия, Грузия, Южная Африка). Таким образом, общая тенденция революций к ухудшению экономического положения остается неизменной, несмотря на несколько обнадеживающих исключений.

Как отмечалось выше, еще одной областью, в которой революционные последствия обычно не оправдывают ожиданий, является социальная эмансипация женщин и их появление на руководящих ролях. Хотя современные социалистические революции в целом открыли женщине дорогу к рабочим местам и профессиональной карьере, они не изменили ее по сути вторичный статус (Lapidus 1978, Cole 1994). Несмотря на активное участие женщин в большинстве мировых революций и их лидерство на низовом уровне, гендерное равенство после завершения революционной борьбы по-прежнему отсутствовало, а даже если и было провозглашено, оставалось иллюзорным (Lobao 1990, Randall 1993, Foran et al 1997).

Положение религиозных и этнических меньшинств при новом режиме зачастую только ухудшается. Хотя революции нередко обещают абстрактное равноправие всем своим сторонникам, в случае угрозы революционному режиму со стороны контрреволюции или иностранной интервенции любые группы, не связанные с новым правительством этнической и религиозной солидарностью, вызывают подозрения в нелояльности и могут подвергнуться преследованиям. Такова была судьба бахаистов во время исламской революции в Иране, индейцев мискито в Никарагуа, а также тех хорватов, боснийцев и сербов, которые оказались не на той стороне границы в ходе революционного распада Югославии (Gurr 1994).

Если последствия революций приносят столько разочарований, почему же к ним тем не менее так энергично стремятся? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить один причинный фактор — роль лидерства — и ту область, в которой революционные последствия не только оправдывают, но даже превосходят ожидания, а именно приращение государственной власти.

Главные цели революционных вождей — перестроить основу политической власти, внести свой вклад в политическую и (или) экономическую и социальную организацию общества, а также изменить статус своей страны в системе международных отношений. Несмотря на все свои неудачи, революции с поразительным успехом мобилизуют население и используют эту мобилизацию в политических и военных целях (Skocpol

1994). Хотя заявленные цели демократизации, равенства или процветания нередко остаются лишь лозунгами, непосредственных целей революционного руководства — захват и расширение государственной власти, изменение правил доступа к политической власти, перестройка представлений и институтов — удавалось добиться многим лидерам, от Наполеона до Гитлера, Ленина и Кастро.

Поэтому способность удачливых революционных вождей перестроить свое общество (пусть и не всегда с ожидаемым конечным результатом) продолжает вдохновлять застрельщиков революции. Как мы видели, важной чертой революционной мобилизации является стремление преданного ядра или авангарда революционеров организовать массовую мобилизацию сторонников, отталкиваясь от идеологического изображения существующего режима как фундаментально неэффективного и несправедливого. При таких условиях, особенно при наличии стимулов в виде уступок или репрессий, или когда старый режим выглядит уязвимым, возможна мобилизация народа на борьбу с режимом. Неизменную привлекательность революции, невзирая на многовековую историю несбывшихся ожиданий масс, следует понимать в контексте динамики лидерства и мобилизационных процессов, заостряющих внимание на нынешних несправедливостях, а не на будущих результатах (Martin et al 1990).

Кроме того, революции оказывают существенное влияние на положение стран на международной арене. Этот фактор обеспечивает привлекательность революционных националистических лозунгов как для элиты, так и для народных групп (Hall 1993, Calhoun 1998).

Последствия революций на международной арене

Уолт (Walt 1996) показал, почему одним из первых результатов революции часто является внешняя война. Внезапное возникновение нового режима разрушает прежние союзы и создает новые неуверенности. Иностранцам державам новый режим может показаться либо уязвимым, либо опасным; и то и другое суждение может вести к войне. Новые революционные режимы, неопытные в иностранных делах, могут совершить такие же ошибки в отношении своих соседей. Тем не менее режимы, осознающие свою крайнюю слабость — например, Россия после большевистской революции и США после войны за независимость — могут уйти с их дороги, чтобы избежать международных конфликтов (Conge 1996).

Помимо ошибочной оценки ситуации, революционные режимы могут пойти на такие шаги, которые спровоцируют или ожесточат военные действия. Многие революции, от пуританской революции в Англии и либеральной французской революции до коммунистических революций в России, Китае, на Кубе и исламской революции в Иране, откровенно объявляли частью своей революционной программы переделку мира. Армстронг (Armstrong 1993) показал, каким образом эти попытки разрушают существующий международный баланс сил. Однако та степень, в которой режим

стремится к войне для достижения этой цели, зависит от действий и противодействий революционных фракций и внешних сил. Мы уже отметили, что революции делаются коалициями, в которых присутствуют лидеры двух типов — визионерского и прагматического. Внешняя угроза может сыграть на руку более визионерским и радикальным элементам в революционной коалиции, которые сознательно стремятся к сражениям и миссионерским авантюрам (Blanning 1986, Sadri 1997). Напротив, когда верх берут более умеренные и прагматичные лидеры, а иностранные державы скорее поддерживают новый режим, нежели угрожают ему, внешний импульс к войне скорее всего будет слабым, как произошло вслед за революциями в США, Боливии и Зимбабве (Snyder 1999).

В конце концов даже революционным режимам приходится примириться с реалиями системы международных отношений и занять то или иное место в созвездии мировых держав (Armstorn 1993). Революции могут привести к долговременным изменениям в положении страны и расстановке сил на международной арене. Одни революции вдыхают новую агрессивную энергию в старые нации, превращая их в региональную или глобальную угрозу старым державам. Так, Япония после реставрации Мэйдзи, Германия после нацистской революции и Россия после консолидации коммунистической революции Сталиным вступили на путь экспансионизма. Последствия Второй мировой войны, которую можно считать результатом коммунистической революции в России и нацистской революции, привели к русской экспансии в Восточной Европе и к расколу германской нации, на 50 лет определив основные водоразделы в системе международных отношений. В результате антиколониальных революций международная система, естественно, пополнилась новыми государствами и снизилось влияние колониальных держав в регионах, прежде находившихся под их властью. Многие другие революции были направлены против иностранных покровителей, которые поддерживали старый режим; в Афганистане, Вьетнаме, Никарагуа, Кубе и Иране такие революции привели к резкой враждебности между старой державой-покровителем и новым режимом. Революции обоих типов удовлетворяют решительное стремление революционной элиты к националистическому самоутверждению и независимости, одновременно усиливая у народных масс ощущение своего могущества. Даже в Мексике и на Филиппинах, где революционеры не занимали резко враждебной позиции по отношению к Соединенным Штатам (которые поддерживали дореволюционные режимы), взрыв националистических настроений, сопровождающий революцию, привел к национализации средств производства в Мексике и к изгнанию американцев с филиппинских военных баз. Таким образом, последствия революций порой незаметно, а порой драматично на многие десятилетия вперед формируют международные отношения, нередко вдыхая инициативу и наделяя автономией те государства, в которых произошли революции (Silverson & Starr 1994).

Реконцептуализация революций

Более 20 лет назад у Скочпол (Skocpol 1979) прозвучала формулировка, которая стала доминирующей парадигмой для анализа революций. По мнению исследовательницы, хотя маргинальные элиты играют ключевую роль в руководстве революциями, а на последствия революций оказывают определяющее влияние такие всемирно-исторические возможности, как наличие коммунистических шаблонов, основными силами, которые стоят за революциями и их последствиями, являются структурные особенности государств и системы международных отношений.

Согласно этому подходу, стабильность режимов принимается как нормальное и понятное состояние; задача теории сводится к тому, чтобы выявить краткий и непротиворечивый список условий или факторов, которые подрывают эту стабильность и способствуют народной мобилизации. Едва эти факторы возникают, приводя к кризису режима, как действия оппозиции по свержению и преобразованию этого режима оказываются нормальным и закономерным исходом, причем окончательный итог революции определяется структурными ограничениями и возможностями, предоставляемыми отечественной экономикой и международной политико-экономической системой. Действия отдельных лиц, лидерство и конкретные шаги старого режима, революционных фракций или иностранных государств считаются либо несущественными факторами, либо логическим результатом преобладающих структурных условий.

Двадцать лет и примерно два десятка революций спустя этот взгляд пора перевернуть с головы на ноги. Стабильность режимов, безусловно, скрывает в себе множество загадок; по всей Африке южнее Сахары, на Балканах, в курдских регионах Турции и Ирана, в Грузии, Чечне, Таджикистане, Восточном Тиморе и других частях Индонезии о стабильности приходится только мечтать. Крах авторитарных режимов в Иране, Никарагуа, на Филиппинах и в Югославии, а также крушение однопартийных государств Восточной Европы и Советского Союза продемонстрировали, насколько масштабной и внезапной может стать потеря стабильности.

Кроме того, короткий и непротиворечивый список факторов, ведущих к революции, представляется химерой. Помимо внешнего военного давления и конфликтов внутри элиты по поводу налогообложения, на которые указывает Скочпол, исследователи революций доказали, что с самыми разными революциями были связаны такие факторы, как экономические кризисы, культуры восстания, зависимое развитие, демографическое давление, структуры колониального режима или личной власти, межклассовые коалиции, утрата националистической репутации, военная измена, распространение революционной идеологии и примеров, эффективное лидерство, хотя в каждом конкретном случае они действовали по-разному (Goldstone et al 1991, Goodwin 1994b, Foran 1997b). Более того, в число факторов, благоприятствующих мобилизации народа, входят традиционные

сельские и профессиональные общины, неформальные городские связи, репрессии и (или) уступки со стороны государства в ответ на действия оппозиции, партизанские организации, революционные партии, а также эффективная идеологическая основа и организация, созданная лидерами-визионерами и прагматиками (Wickham-Crowley 1992, Selbin 1993, Gould 1995, Goldstone & Tilly 2001).

В вышеизложенный список включены не только структурные факторы, но и условия, связанные с лидерством, идеологией, культурой и коалициями. Одних лишь характеристик режима явно недостаточно для того, чтобы предсказать, когда и где произойдет революция; революциям подвержены и колониальные, и коммунистические режимы, и диктатуры сильной личности. Европейские демократии были сметены фашистскими и нацистскими революциями, в то время как демократии в Латинской Америке – например, в Перу и Колумбии – пытаются защитить свои территории от вооруженных революционных движений (McClintock 1998). Напротив, многие режимы сильной личности существовали десятилетиями (Snyder 1998). Кроме того, последствия революций также нереально вывести из структурных условий. Установление демократии или диктатуры, война или мир, решение гендерных проблем, характер нового режима, будь он исламский, коммунистический или либеральный, представляются случайными последствиями решений, принятых революционными лидерами, иностранными державами и сторонниками из числа народа, а также взаимодействия между ними (Karl & Schmitter 1991, Selbin 1993, Linz & Stepan 1996, Aminzade et al 2001b). Таким образом, те исследователи, которые указывали на необходимость сочетания структурного и личностного подходов к объяснению смены режимов, могут считать себя отмыченными (Karl 1990, Kitschelt 1992, Emirbayer and Goodwin 1994, Foran 1997c, Selbin 1997, Snyder 1998, Mahoney & Snyder 1999).

Поэтому в теории революции четвертого поколения следует пересмотреть все ключевые допущения Скочпол. Стабильность следует рассматривать как неочевидное состояние, учитывая широкий диапазон факторов и условий, приводящих к отходу от стабильности, и признать, что процесс революции и ее последствия зависят от групповой идентификации, связей и коалиций, лидерства и конкурирующих идеологий, а также взаимодействия между правителями, элитами, группами населения и зарубежными державами в ходе реакции на начавшийся конфликт.

Проблема стабильности

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Эти слова, которые Толстой написал о семьях, вполне применимы к государствам и нациям. Стабильность режима определяется коротким и непротиворечивым списком условий: действия правителей представляются как эффективными, так и справедливыми; большинство представителей военной, деловой, религиозной, интеллекту-

альной и профессиональной элит лояльны режиму; большинство групп народа пользуются стабильными либо улучшающимися и справедливыми условиями в отношении работы, дохода и взаимосвязей с правителями и элитами. Государство, отвечающее этим условиям — «счастливое государство», будь то диктатура или демократия, однопартийное государство или военный режим, традиционная империя или конституционная монархия.

Когда эти условия начинают деградировать, стабильность снижается. Перечень факторов, которые приводят к деградации, очень велик: он начинается глобальными преобразованиями экономики или политической системы и заканчивается локализованной коррупцией либо неудовлетворительными реформами, проведенными правящей кликой. Любые факторы, вызывающие перенапряжение военных или финансовых возможностей режима, могут вести к неэффективности; любые действия, нарушающие нормы традиций или закона либо причиняющие неожиданный ущерб, могут подорвать представления о справедливости режима. Изменение макроуровневых условий, таких как трудности с поиском работы, снижение реальных доходов или усиленная борьба элиты за должности, может привести к обвинениям и в несправедливости, и в неэффективности. Изменение микроуровневых условий, например, распространение представлений об уязвимости режима и усиление солидарности как в пределах существующих связей, так и поверх них, может убедить людей выступить против режима. Точное сочетание факторов, вследствие которого конкретное государство становится «несчастливым», может быть весьма специфическим для данного режима — в сущности, даже упоминаемые у Скокпол грандиозные революции в России, Китае и Франции демонстрируют различное сочетание факторов, каждый из которых был задействован в разной степени (Goldstone 1997a, Mahoney 1999).

С такой точки зрения стабильным будет не инертное государство, а то, в котором поддерживается успешный процесс постоянного воспроизводства социальных институтов и культурных ожиданий (Thelen 1999). Именно неспособность продолжать этот процесс, а не какое-либо конкретное сочетание случайных факторов и условий, ведет к государственным кризисам.

С точки зрения процесса: революция как феномен в развитии

Как только режим лишается важнейших условий стабильности, начинается процесс мобилизации оппозиционных сил и борьба, которые, в свою очередь, влияют на представления действующих лиц и их взаимоотношения. В ходе этой борьбы представители оппозиции, правители и контрдвижения пользуются идеологиями, стараются вступить в союз с различными группами и течениями и конструируют чувство справедливости и неизбежного триумфа своего дела. В некоторых случаях оппози-

ции удается привлечь сторонников, а государство теряет их только после долгой борьбы; в других случаях представления и действия сменяют друг друга так быстро, что государство разваливается с ошеломляющей скоростью. Какие участники процесса и в каком количестве отказывают режиму в поддержке; какие лидеры и фракции начинают доминировать в революционной коалиции; какие зарубежные державы стремятся вмешаться, на чьей стороне и в какой степени — все это определяет контуры революционной борьбы и ее последствия.

Если все эти соображения имеют силу, то будущим теоретикам революции придется разрабатывать отдельные модели для условий недееспособности государства, для условий мобилизации конкретных видов и масштабов и для факторов, определяющих различные диапазоны революционных исходов, каждый из которых может быть результатом случайных последствий предыдущих этапов в развитии революции.

К счастью, известным ключом к этой динамике служит анализ рационального выбора и связей. Главенствующую роль в этих процессах, очевидно, играют авангардные группы, межличностные связи и межклассовые коалиции; без них революция едва ли способна развиваться. Кроме того, к различным последствиям может приводить идеология и организационная позиция ключевых действующих лиц. Передача власти Нельсону Манделе по взаимной договоренности и прагматичное руководство Африканского Национального Конгресса с большей вероятностью привели бы к установлению демократического режима в Южной Африке, нежели насильственное перераспределение власти в пользу более радикальных черных движений, таких как Организация народа Азании. Аналогичным образом американская поддержка умеренных прагматиков на Филиппинах и поддержка народом Корасон Акино сделали демократический исход более вероятным, чем в том случае, если бы коммунистическая Новая народная армия захватила власть, отобрав ее у все более неэффективного и непопулярного режима Маркоса, поддерживаемого США.

Теория революции как инструмент предсказания

Учитывая важную роль лидерства, сложные механизмы действия и реакции, а также возникновение в ходе революции новых представлений и коалиций, многие авторы указывают, что предсказать революцию невозможно (Keddie 1995a, Kuran 1995a, Tilly 1995). Другие утверждают, что если бы мы знали, какие условия необходимы для стабильности государства, то будет возможно пусть не однозначное предсказание, но хотя бы вероятностный прогноз (Collins 1995, Goldstone 1995). Настало время определить, кто же здесь прав.

Голдстоун (Goldstone 1991, 1998a) указал, что для широтной оценки вероятности революционного кризиса в ситуациях, варьирующихся от ранних монархий нового времени до распада Советского Союза, можно применить трехфакторную модель, отслеживающую финансовое здоровье, кон-

курентную борьбу элит за должности и благосостояние народа. Еще более поразительно то, что с помощью семейства количественных моделей, разработанных Рабочей группой по вопросам несостоятельности государств, в которых используются различные сочетания факторов с целью оценить эффективность государственных институтов, благосостояние народа и конфликты между элитами, удалось точно предсказать более 85 % крупнейших государственных кризисов, случившихся в 1990–1997 гг., опираясь на модели, основанные на данных по 1955–1990 гг. (Goldstone et al 2001). Однако Рабочая группа, несмотря на серьезные достижения в предсказании собственно государственных кризисов, безуспешно пыталась предсказать размах и финальные последствия этих событий, исходя из предкризисных условий. Тем самым еще раз подтвердилось упомянутое выше существенное различие между государственным кризисом и развитием революционного конфликта.

Из вышесказанного следует, что, несмотря на многообразие причин государственных кризисов, модели, связанные с мерой стабильности режима, все же могут дать оценку того, становится ли государственный кризис более или менее вероятен со временем. Однако будущие революции, скорее всего, еще не раз застанут нас врасплох.

Еще одно преимущество подхода, связанного с условиями стабильности и не требующего учитывать многочисленные факторы, которые могут вести к кризису государства, состоит в том, что такие модели обладают фрактальностью по отношению к социальной структуре, которая оказывается подобна самой себе в различных масштабах. Иными словами, общество можно представить состоящим из правителей, элит и народа, но то же самое можно сказать в отношении провинций, городов и различных формальных организаций. Модель социальной стабильности (в противоположность причинам национальных революций) может сохранять адекватность при самых разных социальных масштабах (Goldstone, in preparation). Голдстоун и Усим (Goldstone & Useem 1999) показали, что вероятность тюремных бунтов в учреждениях строгого режима можно предсказать с помощью разновидности модели государственной стабильности. Модель тюремной стабильности, включающая оценку эффективности тюремной администрации, меру недовольства тюремной охраной (которая играет роль элиты), и представления заключенных о тюремном режиме, гораздо лучше объясняет, почему в тюрьмах происходят бунты, нежели подходы, основанные на характеристике заключенных или различных моделях тюремной власти.

Фрактальный анализ может оказаться полезным развитием теории революции в двух отношениях. Во-первых, Голдстоун (Goldstone 1991) предположил, что причина, по которой революции ведут к столь масштабным преобразованиям, заключается в том, что во время крупнейших социальных переворотов социальный строй разрушается одновременно на множестве уровней, то есть административная эффективность, лояльность элиты, благосостояние народа и представления о справедливости

деградируют одновременно на национальном, региональном и местном уровнях организации. Сопоставление условий стабильности в разных масштабах может дать информацию о степени социального переворота и преодолеть раскол между микро- и макроуровнем при исследовании государственного кризиса. Во-вторых, поскольку в обществе существует множество различных иерархических организаций (таких как государство, деловые организации, военные организации, школьные системы, системы здравоохранения, частные корпорации, тюремные системы), теории об условиях стабильности могут пригодиться и при объяснении стабильности многих негосударственных организаций.

Заключение

Судя по всему, третье поколение теорий революции сходит со сцены. Ни одной общепризнанной теории четвертого поколения еще не создано, но контуры такой теории ясны. Стабильность режима в ней будет рассматриваться как неочевидное состояние и существенное внимание будет уделено условиям существования режимов в течение длительного времени; важное место займут вопросы идентичности и идеологии, гендерных проблем, связей и лидерства; революционные процессы и последствия будут рассматриваться как итог взаимодействия многочисленных сил. Что еще более важно, не исключено, что в теориях четвертого поколения будут сочетаться результаты ситуационных исследований, модели рационального выбора и анализ количественных данных, а обобщение этих теорий позволит охватить такие ситуации и события, о которых даже не упоминалось в теориях революции прошлых поколений.

Перевод с английского Николая Эдельмана